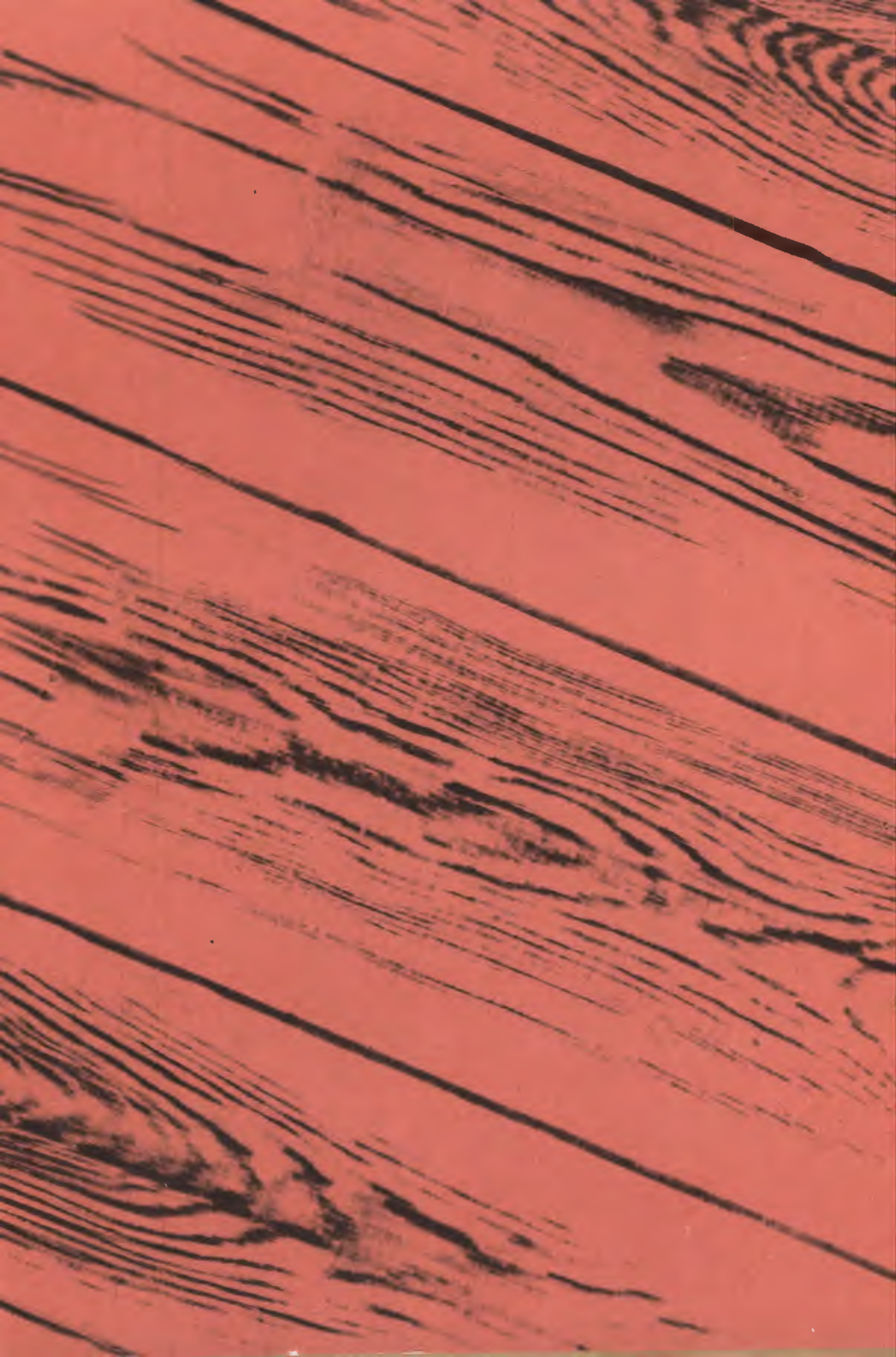

Мэри Хортон

ДОБЫВАЙКИ

Ленинград
«Детская литература»
1980

ДОБЫВАЙКИ

Сказочная повесть

И Англ.
Н 82

Перевод с английского
Г. Островской

Рисунки М. Беломлинского

70803—150
Н-----46Р—80
М101(03)—80

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1980 г.

Глава первая

Первая рассказала мне о них миссис Мей. Нет, не мне. Не могла же это быть я — эта вспыльчивая, неаккуратная, своевольная девочка с дерзким взглядом и дурной привычкой кусать ногти. Кажется, ее звали Кейт. Да, так и есть — Кейт. Хотя как ее звали, не так уж важно, она почти не участвует в нашей истории.

Миссис Мей занимала две комнаты в квартире родителей Кейт в Лондоне; она была, я думаю, их дальняя родственница. Спальня ее помещалась на втором этаже, а гостиной служила комната, где они раньше завтракали. В таких комнатах хорошо по утрам, когда солнечные лучи играют на хрустящих гренках и апельсиновом джеме, но после полудня солнце исчезает — и комната светится странным серебристым светом, словно уже наступили сумерки. Тогда в ней появляется что-то печальное, но девочкой Кейт любила все печальное и частенько проскальзывала к миссис Мей, перед тем как отправиться пить чай, и миссис Мей учила ее вязать тамбуром.

Миссис Мей была старая — суставы у нее почти не сгибались — и... нет, не строгая, просто она твердо знала, что хорошо, а что плохо, а это заменяет строгость. Кейт никогда не бывала своевольной с миссис Мей, неаккуратной и вспыльчивой, и миссис Мей учила ее многим вещам кроме вязания: как намотать шерсть овальным клубком, как красиво заштопать дырку, как прибрать у себя в ящике и положить поверх всего лист шуршащей папиросной бумаги от пыли.

— Почему ты сегодня такая тихая, детка? — спросила однажды миссис Мей у Кейт, сидевшей сторбившись и ничего не делая на кожаной круглой подушке. — Что с тобой? Ты что, потеряла дар речи?

— Нет, — сказала Кейт, дергая пуговицу на туфле. — Я потеряла крючок для вязанья. — Они делали шерстяное вязаное одеяло из отдельных квадратов; надо было связать еще тридцать штук. — Я знаю, куда положила его, — поспешила она добавить, — на нижнюю полку книжного шкафа возле кровати.

— На нижнюю полку? — переспросила миссис Мей; ее крючок неуклонно двигался вперед, поблескивая при свете огня. — Недалеко от пола?

— Да, — сказала Кейт, — но я искала на полу. И под ковриком у постели. Везде. Клубок остался. Там, где я его положила.

— Вот те на! — воскликнула миссис Мей. — Неужели они есть и в этом доме?

— Кто — они? — спросила Кейт.

— Добывайки, — ответила миссис Мей, и Кейт почудилось, что на лице миссис Мей промелькнула улыбка.

Кейт уставилась на нее с некоторым страхом.

— А такое бывает на свете? — спросила она через минуту.

— Какое — такое?

Кейт моргнула.

— Ну... такие существа, которые живут в твоём доме и... берут твои вещи?

Миссис Мей опустила вязанье на колени.

— А ты как думаешь? — спросила она.

— Не знаю, — сказала Кейт, глядя в сторону и изо всех сил дергая пуговицу на туфле. — Конечно, их не может быть. И все же... — она подняла голову, — и все же иногда я думаю, что они есть.

— Почему ты так думаешь? — спросила миссис Мей.

— Потому что столько вещей исчезает неизвестно куда. Французские булавки, например. Целые фабрики делают булавки, люди каждый день покупают булавки, и все же, когда тебе нужна булавка, ты никогда не можешь ее найти. Где они все? Вот сейчас, в эту минуту? Куда они деваются? А иголки! — продолжала она. — Не могут же все иголки, которые мама купила за всю свою жизнь... уж, наверно, не меньше нескольких сотен... валаться по дому.

— Нет, не могут, — согласилась миссис Мей.

— А все остальные мелочи, которые мы покупаем! Каждый раз заново. Карандаши, и спички, и сургуч, и шпильки для волос, и наперстки...

— И шляпные булавки, — вставила миссис Мей, — и промокательная бумага.

— Промокашки — да, — согласилась Кейт, — но не шляпные булавки.

— Тут ты неправа, — сказала миссис Мей, вновь берясь за вязанье. — Без шляпных булавок им не обойтись.

Кейт изумленно взглянула на нее.

— Не обойтись? — повторила она. — Почему?

— Ну, на то есть две причины. Во-первых, шляпная булавка удобное орудие, а во-вторых... — Миссис Мей вдруг рассмеялась. — Но это все звучит так дико и... — она помедлила, — и было так давно!

— Расскажите мне, — попросила Кейт, — расскажите, откуда вы знаете о шляпных булавках. Вы хоть раз видели их?

Миссис Мей бросила на нее удивленный взгляд.

— Конечно... — сказала она.

— Да не булавки! — нетерпеливо воскликнула Кейт. — А этих... как вы их назвали... Добываек.

Миссис Мей перевела дыхание.

— Нет, — быстро сказала она. — Никогда.

— Ну так, кто-нибудь другой видел! — вскричала Кейт. — И вы это знаете! Вижу, что знаете.

— Тише, — сказала миссис Мей. — Ни к чему так кричать! — Она взглянула на обращенное к ней снизу лицо, улыбнулась и, отведя глаза, уставилась в пространство. — У меня был брат... — начала она неуверенно.

Кейт забралась на подушку с ногами.

— И он их видел?!

— Не знаю, — сказала миссис Мей, покачивая головой. — Правда не знаю... — Она разгладила свою работу. — Он так любил нас дурачить... меня и сестру. Он рассказывал нам такие невероятные истории, небывалы... Он был убит, — добавила она тихо, — много лет назад на северо-западной границе. Погиб, как теперь говорят, смертью храбрых...

— Он был ваш единственный брат?

— Да, младший брат. Я думаю, именно поэтому, — она замолчала на миг, все еще улыбаясь своим мыслям, — он и рассказывал нам такие невероятные, такие фантастические истории. Он завидовал нам, я думаю, потому что мы были старше и лучше умели читать. Он хотел нас удивить; возможно, он даже хотел нас напугать. И все же, — она поглядела в огонь, — было что-то... возможно, потому, что мы выросли в Индии, где столько таинственных легенд... что-то, заставлявшее нас верить ему. Иногда мы знали, что он нас просто дурачит, но иногда мы не были до конца уверены в этом. — Она наклонилась и аккуратно смела золу, высыпавшуюся за каминную решетку. Затем, все еще держа в руках метелочку, снова уставилась в огонь. — Он был не очень крепкий мальчик; в первый же год, когда он приехал в Англию, чтобы пойти в школу, он заболел ревматизмом, пропустил целый семестр, и его отправили на поправку к нашей двоюродной бабушке, тете Софи. Она жила за городом. Позже я тоже туда ездила. Это был такой странный старый дом... — Миссис Мей повесила метелочку на медный крючок, где она всегда висела, и, отряхнув платком руки, снова взялась за вязанье. — Зажги-ка лучше лампу, — сказала она.

— Еще рано зажигать, — умоляюще проговорила Кейт, наклоняясь к ней. — Пожалуйста, рассказывайте дальше. Пожалуйста...

— Но я уже рассказала тебе.

— Нет, не рассказали. Этот старый дом... он там увидел... увидел?... Миссис Мей рассмеялась.

— Там ли он увидел добываек? Да, так он нам сказал... хотел заставить нас в это поверить. Мало того, он, по его словам, не только видел их, но близко познакомился с ними, стал, так сказать, частью их жизни; по правде говоря, сам в каком-то смысле сделался добывайкой.

— О, пожалуйста, пожалуйста, расскажите мне. Постарайтесь вспомнить. С самого-самого начала.

— Но я и не забывала ничего, я все прекрасно помню. Как ни странно, я помню это лучше, чем многие настоящие события своей жизни. Быть

может, это тоже настоящие события. Не знаю. Понимаешь, когда мы возвращались в Индию, мы с братом спали в одной каюте... сестра делила каюту с гувернанткой. Ночи были такие жаркие и душные, что часто мы не могли уснуть, и брат часами рассказывал мне о добывайках, повторял их разговоры, вновь и вновь описывал подробности... старался представить, как они пожидают, что делают и...

— Как их звали?

— Хомили. Под и маленькая Арриэтта.

— Под?

— Да. Даже имена у них звучали неправильно. Они думали, что у них собственные имена, непохожие на человеческие, но вы сразу слышали, что и имена взяты ими у людей. Даже у дядюшки Хендрири и его дочери Эглтины. Все, что они имели, было добыто у людей, у них не было ничего собственного. Ничего. И при этом они были очень обидчивы и очень высокого о себе мнения и думали, что они хозяева Земли.

— Не понимаю.

— Они думали, что мы, люди, созданы только для того, чтобы исполнять черную работу... великаны, предоставленные в их распоряжение. Во всяком случае, так они говорили друг другу. Но брат утверждал, что в глубине души они боялись. Он считал, что от этого они и сделались такими маленькими. От страха. С каждым поколением они становились меньше и меньше и прятались все глубже и глубже. В давние времена здесь, в Англии, наши предки рассказывали много историй о «маленьком народе»¹.

— Да, я знаю, — отозвалась Кейт.

— В наши дни, — неторопливо продолжала миссис Мей, — если они и существуют, то найти их можно, вероятно, только в старых, спокойных домах, далеко от больших городов и шума, в домах, где жизнь идет по установившемуся раз и навсегда порядку. Порядок для них — порука безопасности; им очень важно знать, в какие комнаты можно заходить и когда. Они не останутся надолго в доме, где живут неаккуратные взрослые, непослушные дети и домашние животные.

Тот старый дом был, конечно, для них идеальным... хотя некоторые из них считали, что он чуть-чуть холодноват и слишком пуст. Тетя Софи была прикована к постели, после того как упала с лошади во время охоты лет двадцать назад. А кроме нее там были только миссис Драйвер, экономка и кухарка, да Крэмпырл, садовник. Изредка появлялась на короткое время какая-нибудь служанка. И все. Когда мой брат приехал туда, ему еще долго пришлось лежать в постели, и первое время добывайки, по-видимому, не знали о его существовании.

Он спал в бывшей детской, за классной комнатой. В то время классной комнатой больше не пользовались, мебель стояла в чехлах, и там было полно всякого старья: сундуки и сундучки всех размеров, сломанная швейная машина, парта, портновский манекен, стол и несколько стульев, пианола; дети, которые когда-то на ней играли — дети тети Софи, — уже давно выросли, женились, вышли замуж, умерли или разъехались по свету. Дверь между детской и классной комнатами всегда стояла открытой

¹ Так в Англии называли эльфов.

настежь, и с кровати брату была видна большая картина над камином, изображавшая битву при Ватерлоо, и на стене в углу — шкафчик со стеклянными дверцами, в котором стоял на полках кукольный сервиз, очень старый и хрупкий. Если дверь из классной комнаты тоже оставляли открытой, он видел освещенный коридор, который вел к лестнице. Каждый день под вечер на площадке лестницы появлялась миссис Драйвер с подносом в руках, где лежало печенье и стоял высокий граненый графин с доброй старой мадерой. Она несла его в спальню тети Софи и на обратном пути прикручивала газовый рожок в коридоре, так что оставался лишь маленький голубой язычок, а затем, тяжело ступая, медленно спускалась по лестнице и исчезала внизу.

Там, внизу, в холле, стояли часы, и всю ночь мальчик слышал, как они отбивают время. Это были высокие напольные часы, куранты, очень старые.

Каждый месяц в дом приходил мистер Фрит из Лейтон-Баззард и заводил их, как это раньше делал его отец, а еще раньше — дед. Говорили (а мистер Фрит знал это наверняка), что за восемьдесят лет часы ни разу не остановились, и можно было предположить, что они ни разу не останавливались и до того. Главное было — не сдвигать их с места. Стена за курантами была обшита дубовой панелью, а пол из плитняка так стерся от частого мытья за все эти годы, что часы, говорил мне брат, стояли словно на каменной платформе.

А под курантами в самом низу дубовой панели была дырочка...

Глава вторая

то была дыра Пода... ворота в его крепость... вход в его дом. Не думайте, что дом был поблизости от часов, вовсе нет. К нему вели длинные, темные и пыльные переходы с деревянными дверцами между балками и металлическими воротцами против мышей. Чего только не использовал Под для этих воротец — створку складной терки, крышку от шкатулочки для монет, квадратные кусочки дырчатого цинка от старого ящика для хранения мяса, проволочную хлопущку для мух... «Я вовсе не боюсь мышей, — не раз говорила Хомили, — но я не выношу их запаха». Напрасно Арриэтта просила позволить ей завести мышку, маленького мышоночка, которого она выкормила бы с рук... «как Эглтина». Хомили сразу же начинала грохотать крышками от кастрюль и восклицала: «И вспомни, что с ней случилось!» — «Что? — всякий раз спрашивала Арриэтта. — Что случилось с Эглтиной?» Но на это никто не давал ей ответа.

Только Под знал дорогу к дыре под часами — не дорога, а настоящий лабиринт. Только Под умел открывать воротца. На них были сложные задвижки-застежки, сделанные из заколок для волос и французских булавок, и только Под знал их секрет. Его жена и дочка вели жизнь без тревог и забот в уютной квартирке под кухней, далеко от опасностей, которыми

мог грозить дом над их головой. В кирпичной стене ниже уровня кухонного пола была решетка, сквозь которую Арриэтте был виден сад — кусочек гравиевой дорожки и клумба, где весной цвели крокусы и куда ветер приносил лепестки с цветущих деревьев. Позднее там расцветал куст азалии, и иногда прилетали огромные птицы... Они клевали что-то, ухаживали друг за другом, а порой дрались.

— Ну виданное ли это дело — часами сидеть и глазеть на птиц, — ворчала Хомили. — А когда мне что-нибудь от тебя нужно, тебе всегда недосуг. В моем доме, у моих мамы и папы, не было никакой такой решетки, и слава богу! Ну-ка, сбегай принеси мне картошки.

Так она говорила и в тот день, когда, прикатив картофелину из кладовой по пыльному проходу под половицами, Арриэтта сердито пнула ее ногой, так что картофелина влетела в кухню, где Хомили стояла, наклонившись над плитой.

— Да что это с тобой?! — сердито воскликнула Хомили, оборачиваясь к Арриэтте. — Еще немного, и я была бы в кастрюле с супом. И когда я говорю «картошки», я имею в виду «картошки», а не «картошку». Возьми-ка ножницы и отрежь мне ломтик.

— Откуда я знала, сколько тебе нужно, — пробормотала Арриэтта, а Хомили, возмущенно фыркнув, сняла с гвоздя на стене половинку сломанных маникюрных ножниц и стала срезать картофельную кожуру.

— Ты погубила эту картофелину, — ворчливо сказала она. — Теперь ее нельзя будет откатить назад, раз я ее вскрыла.

— Подумаешь, важность, — сказала Арриэтта. — Да их там целая куча.

— Вы только послушайте ее! Целая куча! Ты понимаешь или нет, — серьезно и даже торжественно продолжала Хомили, откладывая «нож», — что твой отец рискует жизнью всякий раз, когда добывает картофель?!

— Я хотела сказать, что их целая куча у нас в кладовой.

— Ладно, что бы ты ни хотела сказать, не вертись у меня под ногами, — проговорила Хомили, снова принимаясь снова по кухне, — мне надо готовить ужин.

Арриэтта вышла в столовую — там, в очаге, уже ярко пылал огонь, и комната выглядела весело и уютно. Хомили гордилась своей столовой. Стены ее были оклеены обрывками писем, найденных в мусорной корзине, и Хомили расположила их так, что строчки бежали сверху вниз вертикальными полосками. На стенах висели разноцветные портреты королевы Виктории — марки, несколько лет назад добытые Подом из коробочки на бюро в кабинете. Там стояли лакированная, обитая внутри бархатом шкатулка для украшений, которая служила им стулом-ларем, и незаменимая в хозяйстве вещь — комод, сделанный из спичечных коробков. Там был покрытый красной плюшевой скатертью круглый стол, который Под смастерил из деревянного донца коробочки для пиллюль, взяв в качестве ножки резную подставку от шахматного коня. (Пропажа этого коня в свое время вызвала большую суматоху в доме, когда старший сын тети Софи, неожиданно приехавший к ней на несколько дней, пригласил викария «сразиться после обеда». Роза Пикхэтчет, служанка, заявила, что она немедленно от них уходит. Вскоре после этого обнаружилось, что недостает кое-каких других мелочей; с тех пор в дом не брали служанок и миссис Драйвер царствовала безраздельно.) Сам конь — так сказать, его бюст —

стоял в углу на подставке-катушке; он выглядел очень изысканно и придавал комнате тот особый оттенок, который может дать только скульптура.

Возле очага, в деревянном пенале была библиотека Арриэтты. Она состояла из набора тех миниатюрных томиков, которые так любили в Англии во времена королевы Виктории. Арриэтте они казались огромными, как церковная Библия. Среди них были: изданные Брюсом «Географический справочник Мальчика с пальчик», включающий самые современные... для начала века названия, и «Словарь Мальчика с пальчик» с краткими объяснениями научных, философских и технических терминов, томик «Комедии Уильяма Шекспира для Мальчика с пальчик» с предисловием об авторе, еще одна книжка с чистыми страницами, которая называлась «Памятные заметки», и последняя — по списку, но не по значению — любимейшая книга Арриэтты — «Дневник Мальчика с пальчик с пословицами и поговорками», где для каждого дня года было свое изречение, а в предисловии давалось жизнеописание человечка по прозвищу Мальчик с пальчик, который женился на девушке по имени Мерси Лавиния Бамп. На титульном листе была гравюра, изображавшая их экипаж, запряженный парой лошадей, каждая из которых была величиной с мышь. Арриэтта была умной девочкой. Она знала, что лошади не могут быть такими же маленькими, как мыши, но она не представляла, что Мальчик с пальчик оказался бы добывайкам не таким уж крошкой.

Арриэтта научилась читать по этим книгам, а писать — копируя буквы с обоев на стене, для чего ей приходилось сворачивать голову набок. Хотя она и умела писать, она не всегда делала записи в дневнике, однако почти каждый день снимала его с полки, чтобы прочесть очередное изречение. Сегодня там было написано: «Тише едешь — дальше будешь». Арриэтта отнесла книгу к очагу и села, поставив ноги на решетку.

— Что ты делаешь, Арриэтта? — позвала ее из кухни Хомили.

— Пишу дневник.

— А! — воскликнула Хомили.

— Тебе что-нибудь нужно? — спросила Арриэтта. Она могла не бояться; Хомили любила, когда она пишет, Хомили поощряла все виды культуры. Сама она, бедняжка, даже букв не знала.

— Ничего, ничего! — сказала мать, грохоча крышками. — Успеется.

Арриэтта вынула карандаш. Это был маленький белый карандашик с привязанной к нему шелковой ленточкой, снятый с бальной программки, но в руках Арриэтты он казался не меньше скалки.

— Арриэтта! — снова позвала из кухни Хомили.

— Да?

— Подбрось-ка немного угля в огонь.

Арриэтта крепко ухватила книгу обеими руками и с усилием сняла ее с колен. Они держали топливо — угольную крошку и измельченное свечное сало — в оловянной горчичнице и подбрасывали его в очаг ложечкой для горчицы. Арриэтта чуть-чуть наклонила ложечку и стряхнула несколько крупинок, чтобы не затушить огонь. И осталась стоять у очага, наслаждаясь теплом. Это был замечательный очаг; дедушка Арриэтты смастерил его из цевочного колеса, которое когда-то было частью пресса для приготовления сидра. Спицы колеса расходились в разные стороны, а в центре находилось гнездышко для самого очага. Над ним был колпак из воронки,

подвешенной раструбом вниз. Через эту воронку некогда наливали керосин в керосиновую лампу, стоявшую в холле. Целая система труб, отходящих от горлышка воронки, уносила дым наверх, в кухонный дымоход. Разжигали очаг полешками-спичками, а уж потом подбрасывали угольную крошку; и когда он разгорался и железо раскалялось, Хомили ставила на спицы серебряный наперсток с супом, чтобы он потихоньку кипел, а Арриэтта калила орехи. Какие это были славные, уютные зимние вечера! Арриэтта с огромной книгой на коленях — иногда она читала родителям вслух, — Под с сапожной колодкой в руках (он был сапожник и шил туфли из лайковых перчаток. . . теперь, увы, только для своей семьи), и Хомили, наконец-то переделавшая все по хозяйству, со своим вязаньем.

Хомили вязала им нижнее белье, фуфайки, жакеты и чулки на булавах с головками, а иногда на штопальных иглах. Возле ее кресла всегда стоял огромный, высотой в стол, моток шелка или простых ниток. Иногда, когда она слишком резко дергала нитку, моток опрокидывался и выкатывался через открытые двери прямо в темный проход. Тогда Арриэтту посылали прикатить его обратно, аккуратно наматывая по пути. Пол в столовой был покрыт темно-красной промокательной бумагой, она была мягкая, красивая и впитывала все, что на нее проливали. Время от времени Хомили ее меняла. . . когда можно было раздобыть новую наверху; но с тех пор как тетя Софи слегла в постель, миссис Драйвер редко вспоминала о промокательной бумаге, разве что в доме ожидали гостей. Хомили любила вещи, которые избавляли ее от стирки, ведь не так-то просто сушить белье, когда живешь в подполье. Воды, правда, у них было предостаточно и холодной, и горячей — благодаря батюшке Поду, который отвел трубки от кухонного котла. Купались они в фарфоровой супнице. Кончив купаться, вылив воду и вытерев ванну, полагалось закрыть ее крышкой, чтобы никому не вздумалось складывать в нее грязные вещи. Мыло, целый большой брусок, висело на крюке в кладовой, и они отрезали от него по кусочку. Хомили любила дегтярное мыло, но Под и Арриэтта предпочитали сандаловое.

— А сейчас что ты делаешь, Арриэтта? — опять окликнула дочку Хомили.

— Все еще пишу дневник.

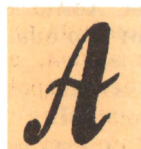
Арриэтта снова обеими руками взяла книжку и взгромоздила ее себе на колени. Она лизнула кончик огромного карандаша и, глубоко задумавшись, уставилась в пространство. Она разрешала себе написать (когда вообще вспоминала о своем дневнике) одну-единственную строчку в день, потому что у нее никогда в жизни — в этом она была уверена — не будет больше дневника и, если она напишет двадцать строчек на каждой странице, ей хватит этого дневника на двадцать лет. Арриэтта вела дневник уже два года и сегодня, 22 марта, прочитала свою последнюю запись: «Мама сердится». Она еще подумала, затем под словом «мама» поставила знак «—», а под словом «сердится» — «беспокоится».

— Что ты сказала, ты делаешь, Арриэтта? — окликнула ее Хомили. Арриэтта закрыла дневник.

— Ничего, мама, — сказала она.

— Тогда, будь умницей, наруби мне луку. . . Отец что-то запаздывает сегодня. . .

Глава третья

Арриэтта со вздохом отложила дневник и пошла на кухню. Она взяла у Хомили кольцо лука и, повесив его на шею, принялась искать кусочек бритвенного лезвия.

— Фу, Арриэтта! — воскликнула Хомили. — На чистую кофточку! Ты хочешь, чтобы от тебя пахло, как от мусорного ведра? На, возьми ножницы...

Арриэтта переступила через луковое кольцо, словно это был детский обруч, и принялась рубить его на части.

— Отец запаздывает, — снова проговорила Хомили, — и это я виновата. Лучше бы я не...

— Что «не»? — спросила Арриэтта. Глаза ее налились слезами, в носу щипало; она громко шмыгнула носом и подумала, как было бы хорошо вытереть его о рукав.

Хомили откинула назад прядь жидких волос. Мысли ее витали где-то далеко.

— Это все та чашка, что ты разбила... — сказала она.

— Но я разбила ее давным-давно... — начала Арриэтта, моргая глазами и снова громко шмыгая носом.

— Знаю, знаю. Ты тут ни при чем. Это все я. Не в том дело, что ты разбила чашку, а в том, что я сказала отцу...

— Что ты ему сказала?

— Ну, я просто сказала... там же есть еще чашки, в этом сервизе, сказала я, там, наверху, в угловом стенном шкафчике в классной комнате.

— Не вижу в этом ничего плохого, — возразила Арриэтта, кидая кусочки лука один за другим в кипящий суп.

— Но он очень высоко висит, этот шкафчик, туда надо забираться по портьерам. А твой отец, в его годы... — И она вдруг села на пробку с металлической головкой от бутылки с шампанским. — Ах, Арриэтта, лучше бы я никогда не упоминала об этой чашке!

— Не волнуйся, — сказала Арриэтта, — папа знает, что ему по силам. — Она вытащила резиновую пробку от флакончика из-под духов, которой было заткнуто отверстие в трубке с горячей водой, и выпустила несколько капель в жестяную крышечку от пузырька из-под пилюль. Затем добавила туда холодной воды и принялась мыть руки.

— Может, и так, — сказала Хомили. — Но я без конца твердила ему про эту чашку. Ну зачем мне она?! Твой дядюшка Хендрири никогда не пил не из чего, кроме простой желудевой чашки, а он дожил до преклонного возраста, и у него хватило сил переехать на другой конец света. У моих родителей был один-единственный костяной наперсток, из которого пили все по очереди. Но если у тебя была настоящая фарфоровая чашка... ты понимаешь, что я хочу сказать?

— Да, — ответила Арриэтта, вытирая руки о полотенце, сделанное из бинта.

— Главное — портьеры. Ему не взобраться по портьеру в его годы... по этим бомбошкам...

— Со шляпной булавкой взберется, — возразила Арриэтта.

— С булавкой! И этому тоже я его научила! Возьми шляпную булавку, — сказала я ему, — привяжи кусочек тесьмы к головке, и подтягивайся на ней. Это когда я просила, чтобы он добыл часы с изумрудами в Ее спальне. Хотела знать, сколько времени печется пирог! — Голос Хомили задрожал. — Твоя мать дурная женщина, Арриэтта. Эгоистка, вот кто она.

— Знаешь что? — внезапно воскликнула Арриэтта.

Хомили смахнула слезу.

— Что? — еле слышно сказала она.

— Я могу взобраться по портьеру.

Хомили встала.

— Хорошенькое дело! Да как ты смеешь говорить мне такие вещи?!

— Но я могу, могу, могу! Я сумею добывать все что надо.

— Ах! — чуть не задохнулась Хомили. — Гадкая девчонка! Как у тебя только язык поворачивается?! — И она снова рухнула на табуретку из пробки. — Вот до чего, значит, дошло!

— Мапочка, не надо, пожалуйста, — взмолилась Арриэтта, — ну, не расстраивайся же так!

— Как ты не понимаешь. . . — с трудом начала Хомили; она уставилась на стол, не в состоянии найти убедительные слова, наконец подняла к дочери осунувшееся лицо. — Детка моя, — сказала она, — ты не знаешь, о чем говоришь. Добывать совсем не так легко. Ты не знаешь. . . и слава богу никогда не узнаешь, — голос ее упал до боязливого шепота, — как там, наверху. . .

Арриэтта ничего не сказала. Но через минуту спросила:

— А как там, наверху?

Хомили вытерла лицо передником и пригладила волосы.

— Твой дядюшка Хендрири, — начала она, — отец Эглтины. . . — И тут она остановилась. — Послушай! . . . Что это?

Издали донесся еле слышный звук. . . словно защелкнули щеколду.

— Отец! — воскликнула Хомили. — Ой, на что я похожа! Где гребешок?

У них был даже гребешок: крошечный серебряный старинный гребешочек для бровей, выпавший когда-то из ларчика в верхней гостиной. Хомили быстро провела им по волосам, сполоснула красные, заплаканные глаза, и, когда появился Под, она, улыбаясь, разглаживала обеими руками передник.

Глава четвертая

од медленно вошел в комнату все еще с мешком на спине, прислонил к стене шляпную булавку с болтающейся тесьмой и поставил посреди кухонного стола чашку из кукольного сервиза, выглядевшую здесь салатницей или суповой миской.

— Ой, Под. . . — начала было Хомили.

— Блюдец тоже принес, — сказал Под. Он скинул с плеч мешок и развязал его. — Принимай! — И он вытащил из мешка блюдец. — Как раз в пару.

У него было круглое, как булочка с изюмом, лицо, но сейчас щеки его как-то обвисли.

— Ой, Под, — сказала Хомили, — ты неважно выглядишь. Ты здоров? Под сел на табурет.

— Вполне, — сказал он.

— Ты забрался по портьеру? — спросила Хомили. — Не надо было этого делать. Это слишком тебя разволновало.

Под скорчил непонятную гримасу, глаза его, как на шарнирах, повернулись к Арриэтте. Хомили уставилась на мужа, открыв рот, затем обернулась к дочке.

— Ну-ка в постель, Арриэтта, — деловито сказала она. — Быстренько, быстренько, будь умницей, а я принесу тебе ужин.

— Ну-у, — протянула Арриэтта, — разве мне нельзя посмотреть, что папочка еще добыл?

— У него ничего больше нет. Только еда. Быстренько в постель! Чашку с блюдцем ты уже видела.

Арриэтта пошла в столовую, чтобы убрать на место дневник, и замешкалась, прилаживая свечку на перевернутую кверху острием кнопку, служившую им подсвечником.

— Что ты там возишься? — ворчливо промолвила Хомили. — Дай ее сюда. Ну вот, видишь, как надо ее ставить? Быстренько ложись и не забудь аккуратно сложить свои вещи.

— Спокойной ночи, папочка, — сказала Арриэтта, целуя его в плоскую бледную щеку.

— Осторожней со светом, — по привычке сказал он, следя за дочкой круглыми глазами, пока она не прикрыла за собой дверь.

— Ну, Под, — сказала Хомили, когда они остались одни. — В чем дело? Что случилось?

Под без всякого выражения взглянул на нее.

— Меня «увидели», — сказал он.

Хомили, словно слепая, протянула вперед руку, нащупала край стола и, держась за него, медленно опустилась на табурет.

— Ой, Под! — простонала она.

Наступило молчание. Под пристально смотрел на Хомили, Хомили уставилась на стол. Но вот она подняла белое как мел лицо.

— Как — «увидели»? Плохо?

Под заерзал на месте.

— Не знаю. Меня «увидели». Это уже плохо.

— Ни одного из нас, — медленно проговорила Хомили, — не «видели» после дядюшки Хендрири, а его, говорят, за сорок пять лет «видели» первого. — Она вдруг уцепилась обеими руками за стол, видно ей пришла в голову какая-то ужасная мысль. — И все равно, Под, я отсюда не уйду!

— Никто тебя и не просит, — сказал Под.

— Уйти и жить, как Хендрири и Люпи, в барсучьей норе! На другом конце света... среди земляных червей!

— Всего в двух полях отсюда, за рощей, — сказал Под.

— Орехи — вот вся их еда. И ягоды. Я не удивлюсь, если они едят мышей...

— Ты и сама ела мышей, — напомнил ей Под.

— И всюду сквозняки, и свежий воздух, и дети растут без присмотра, как дикари. Подумай об Арриэтте! — сказала Хомили. — Вспомни, как мы ее воспитали. Единственный ребенок. Она там погибнет. Для Хендрири это не так страшно.

— Почему? — спросил Под. — У него пятеро.

— Вот именно потому, — объяснила Хомили. — Когда у тебя пятеро детей, за их воспитанием не очень-то уследишь. Но главное сейчас не это... Кто тебя «увидел»?

— Мальчик, — сказал Под.

— Что? — воскликнула Хомили.

— Мальчик, — Под изобразил руками в воздухе силуэт. — Ну... мальчик...

— Но в доме же нет... Какой мальчик?

— Не понимаю. Что значит «какой»? Мальчик в ночной рубашке. Просто мальчик. Ты же знаешь, что такое мальчик.

— Да, — ответила Хомили. — Я знаю, что такое мальчик. Но вот уже лет двадцать, как в доме нет никаких мальчиков.

— Не было, — сказал Под, — а теперь есть.

Хомили молча уставилась на него, и Под храбро встретил ее взгляд.

— Где он тебя увидел? — спросила наконец Хомили.

— В классной комнате.

— А-а... когда ты доставал чашку?

— Да.

— У тебя разве нет глаз? — спросила Хомили. — Ты не мог сперва посмотреть по сторонам?

— В классной комнате никогда никого не бывает. Больше того, — продолжал он, — и сегодня тоже не было.

— А где же он был?

— В постели. В детской, или как там она у них зовется. Вот где. Сидел в постели. А дверь была открыта.

— Ну, мог бы заглянуть и в детскую.

— Да как же я мог — на портьере, на полпути от пола!

— Это там он тебя увидел?

— Да.

— С чашкой?

— Да. Я не мог двинуться ни вверх ни вниз.

— Ах, Под, — сказала Хомили. — Не надо было мне тебя пускать. В твои годы...

— Да нет, не в этом дело, — сказал Под, — ты меня неправильно поняла. Наверх я взобрался с легкостью. Взлетел как птичка, можно сказать, и бомбошки не понадобились. А вот потом... — он наклонился к ней. — Когда в руке у меня была чашка, если ты понимаешь, что я имею в виду. — Он снял чашку со стола. — Она не очень-то легкая. Ее можно держать за ручку вот так... но она тянет... или тонет, если так можно выразиться, вниз. Ее нужно держать в двух руках. Кусок сыру или яблоко — другое дело. Я их просто роняю... толкну, они и упадут, а я слезу потихоньку, да и подберу их. А с чашкой в руке... понимаешь теперь? И когда спускаешься, надо глядеть, куда ставишь ногу. А некоторые бомбошки на портьере оторваны. Не знаешь, за что и ухватиться, чтобы не упасть...

— Ах, Под, — проговорила Хомили чуть не плача, — что же ты сделал?

— Ну, — ответил Под, снова садясь, — он взял у меня чашку.

— Что?! — в ужасе воскликнула Хомили.

— Понимаешь, он сидел в постели и смотрел на меня. Я провел там, на портьере, не меньше десяти минут, потому что часы пробили четверть...

— Но что значит — он взял чашку?

— Ну, он слез с кровати и подошел ко мне. «Я возьму чашку», — сказал он.

— Ой! — выдохнула Хомили, глядя на него во все глаза. — И ты дал ему?

— Он сам взял, — сказал Под, — да так осторожно... А когда я спустился, отдал обратно.

Хомили закрыла лицо руками.

— Да не расстраивайся ты так! — взволнованно сказал Под.

— Он мог тебя поймать! — сдавленным голосом произнесла Хомили, и плечи ее затряслись.

— Мог. Но он только дал мне обратно чашку. «Возьмите, пожалуйста», — сказал он.

Хомили подняла на него глаза.

— Что нам теперь делать? — спросила она.

Под вздохнул.

— А что мы можем сделать? Ничего. Разве что...

— Ах, нет, нет! — воскликнула Хомили. — Только не это. Только не переселяться. Да еще теперь, когда я все здесь так уютно устроила, и часы у нас есть, и всякое другое.

— Ну, часы можно взять с собой, — сказал Под.

— А Арриэтта? Как насчет нее? Она совсем не такая, как ее двоюродные братья. Она умеет читать, Под, и шить...

— Он не знает, где мы живем, — сказал Под.

— Но они ищут! — воскликнула Хомили. — Вспомни Хендрири. Они принесли кошку и...

— Полно, полно, — сказал Под, — зачем вспоминать прошлое?

— Но и забывать о нем нельзя. Они принесли кошку и...

— Верно, — сказал Под, — но Эглтина была совсем другая, чем Арриэтта.

— Другая? Она была ее ровесница.

— Они ничего ей не рассказывали, понимаешь? Вот тут-то они и допустили ошибку. Они делали перед ней вид, будто на свете нет ничего, кроме нашего подполья. Они не рассказывали ей о миссис Драйвер или Крэм-пфирле. И уж словечком не обмолвились о кошках.

— В доме и не было кошки, — напонила ему Хомили, — пока они не «увидели» Хендрири.

— Но потом-то она была, — сказал Под. — Детям нужно все говорить, так я считаю, не то они сами начинают разузнавать что к чему.

— Под, — сердито промолвила Хомили, — мы ведь тоже ничего не рассказывали Арриэтте.

— Ну, она многое знает, — тревожно ответил Под. — У нас же есть решетка в садик.

Она не знает об Эглтине. Она не знает, что значит, когда тебя «увидят».

— Ну что ж, когда-нибудь расскажем ей. Мы ведь всегда собирались это сделать. К чему спешить?

Хомили поднялась с места.

— Под, — произнесла она. — Мы расскажем ей все сегодня.

Глава пятая

Арриэтта не спала. Она лежала под своим вязаным одеялом, уставившись в потолок. Это был очень интересный потолок. Отец смастерил для Арриэтты спальню из двух коробок из-под сигар, и на потолке были нарисованы прекрасные дамы в развевающихся газовых платьях, которые дули в трубы, на фоне ярко-голубого неба. Внизу зеленели перистые пальмы и крошечные белые домики стояли вокруг площади. . . Это была великолепная картина, особенно когда горела свеча, но сегодня Арриэтта глядела на нее, не видя. Стенки коробки из-под сигар не очень толсты, и Арриэтта, слышала родительские голоса, то поднимавшиеся чуть не до крика, то падавшие до шепота. Она слышала свое имя, слышала, как Хомили воскликнула: «Орехи и ягоды — вот вся их еда!» — а спустя немного — встревоженный вопрос: «Что же нам делать?!».

Когда Хомили подошла к ее кровати, Арриэтта послушно закуталась в одеяло и пошлепала босиком в теплую кухню. Она села на низкую скамеечку и, обхватив колени руками, поглядела сперва на отца, затем на мать. Хомили подошла к ней и, опустившись на колени, обняла худенькие плечи.

— Арриэтта, — торжественно начала она, — ты знаешь о том, что там, наверху?

— О чем — о том? — спросила Арриэтта.

— Ты знаешь о двух великанах?

— Да, — сказала Арриэтта. — Старая тетя Софи и миссис Драйвер.

— Верно, — сказала Хомили. — И Кремпфирл в саду. — Она положила загрубевшую от работы ладонь на стиснутые руки Арриэтты. — Ты знаешь о дяде Хендрири?

Арриэтта задумалась.

— Он уехал на край света, — сказала она.

— Переселился, — поправила ее Хомили, — на другую квартиру. С тетей Люпи и детьми. В барсучью нору. . . дыру в склоне, где растет боярышник. А почему он это сделал, как ты думаешь?

— О! — воскликнула Арриэтта, и лицо ее просияло. — Чтобы быть на воздухе. . . лежать на солнышке. . . бегать по траве. . . качаться на ветках, как птицы. . . высасывать из цветов мед. . .

— Глупости, Арриэтта, — сердито вскричала Хомили, — это дурные привычки! И у твоего дяди Хендрири ревматизм. Он переселился, — продолжала она, делая ударение на этом слове, — потому что его «увидели».

— О!.. — воскликнула Арриэтта.

— Его «видела» двадцать третьего апреля тысяча восемьсот девяносто второго года Роза Пикхэтчет в гостиной, на полочке над камином. Надо же было выбрать такое место! — добавила вдруг Хомили удивленно, словно говоря сама с собой.

— О!.. — опять воскликнула Арриэтта.

— Я никогда ни от кого не слышала, никто не считал нужным мне сообщить, почему он вообще туда забрался. Все, что там стоит, говорит твой отец, видно с пола или с ручек бюро, если стать боком и держаться за ключ. Так отец и поступает, если заходит в гостиную.

— Говорили, он полез за пилюлями от печени, — сказал Под.

— Что ты имеешь в виду? — удивленно воскликнула Хомили.

— Пилюлями от печени для Люпи, — устало объяснил Под. — Кто-то пустил слух, — продолжал он, — что на каминной полке в гостиной лежат пилюли от печени...

— Вот как? — задумчиво проговорила Хомили. Я никогда об этом не слышала. Ну и все равно это был глупый и безрассудный поступок, никому не нужный риск. Оттуда не спустишься иначе как по шнуру от колокольчика. Говорят, Роза смахнула с него пыль метелочкой, и он стоял так неподвижно рядом с фарфоровым купидоном, что она ни за что не обратила бы на него внимания, если бы он не чихнул. Она была еще недавно в доме и не знала всех статуэток. Она так завизжала, что мы услышали ее даже здесь, под кухней. После того ее было не заставить вытирать пыль — разве только со столов и стульев.

— Я редко захожу в гостиную, — вставил словечко Под. — Не стоит труда. Там все стоит на своем месте, и если что пропадет, они сразу заметят. Конечно, бывает, остается что-нибудь на столе или на полу возле стула, но только если там были гости, а у них давно уж не бывает гостей... лет десять или двенадцать. Я могу сейчас, не сходя с места, перечислить тебе все, что есть в гостиной, начиная с горки у окна до...

— А сколько в этой горке красивых вещиц, — прервала его Хомили, — и многие из литого серебра. Там есть серебряная скрипка со струнами и смычком... как раз под рост нашей Арриэтте.

— Что толку в вещах, — сказал Под, — которые лежат под стеклом.

— А разве ты не можешь разбить стекло? — спросила Арриэтта. — Самый уголочек, чуть-чуть ударить, крошечный ку... — Голос ее прервался, она увидела, с каким удивлением, даже ужасом смотрит на нее отец.

— Послушай-ка, Арриэтта, — начала сердито Хомили, но тут же взяла себя в руки и ласково похлопала дочку по плечу. — Она же не понимает, что такое — добывать, — объяснила она Поду. — Она не виновата. — Хомили снова обернулась к Арриэтте. — Чтобы добывать, нужна сноровка, это своего рода искусство. Из всех семейств, которые жили в этом доме, остались мы одни, и знаешь почему? Потому что твой отец — самый искусный из всех добываек, искуснее его в наших краях не было с... ну, со времен, когда еще твой дедушка жил на свете. Даже твоя тетя Люпи не могла этого отрицать. Когда он был помоложе, я своими глазами видела, как он прошел весь обеденный стол из конца в конец уже после того, как прозвучал гонг к ужину, и взял с каждого блюда орех, или конфету, или еще что-нибудь из десерта и спустился по складке скатерти до того, как в дверь вошел первый человек. Просто так, для забавы, да, Под?

Под слегка улыбнулся.

— Смысла-то в этом не было, — сказал он.

— Пусть, а все ж таки кто, кроме тебя, отважился бы на это?

— Я был тогда моложе, — вздохнул Под и повернулся к Арриэтте. — Мы не ломаем ничего и не бьем, дочка, так не делается. Это уже не будет называться «добывать».

— Тогда мы были богатые, — сказала Хомили. — Ах, какие у нас водились красивые вещи! Ты еще крошкой была, Арриэтта, ты не помнишь. У нас был ореховый гарнитур из кукольного домика, и набор рюмок из зеленого стекла, и музыкальная табакерка. К нам приходили родственники, и мы устраивали балы. Помнишь, Под? И не только родственники. У нас бывали даже Клавесины. Все бывали, кроме этих Надкаминных из кабинета. Мы танцевали тогда до упаду, а молодежь чуть не до утра сидела у решетки. Наша табакерка играла три песенки: «Клементина», «Боже, спаси королеву» и «Почтовый галоп». Все нам завидовали тогда, даже Надкаминные.

— А кто это такие? — спросила Арриэтта.

— Неужели я тебе не рассказывала о них? — воскликнула Хомили. — Об этих чванливых господах, что жили высоко на стене за резной обшивкой над каминной доской в кабинете? Ну и публика это была. Мужчины без конца курили, потому что там всегда стояли открытые табакерки. Они вечно старались забраться повыше по резьбе, а потом соскользнуть вниз и вообще всячески выставлялись. А женщины их тоже воображали о себе невесты что и без конца любовались собой в зеркале над камином. Они никогда никого к себе не приглашали, да я бы и сама не пошла. У меня от высоты голова кружится, а твоему отцу не нравились их повадки. Он никогда не позволял себе прикладываться к рюмочке, а там, в кабинете, же только табак стоял открыто, но и графины с виски, и говорили, что Надкаминные сосали виски через перышки для чистки трубок, которые всегда лежали на каминной полке. Не знаю, может, это и не так, но говорили, что Надкаминные устраивали вечеринки каждую среду, после того как управляющий заходил туда по делам. Говорили, они валялись пьяные на зеленом сукне, которым был обтянут стол, среди жестяных коробок и бухгалтерских книг...

— Полно тебе, Хомили, — запротестовал Под; он терпеть не мог сплетен. — Я их такими не видел.

— Но согласишься, что они на это способны, Под. Ты сам сказал, когда я вышла за тебя замуж, чтобы я не ходила к ним в гости.

— Потому что они жили так высоко, — сказал Под, — только поэтому.

— А лентяи они были! Уж этого ты не станешь отрицать? Никакого домашнего хозяйства они не вели. Грелись у камина и ели только завтрак, ведь ничего другого в кабинет не подают.

— Что с ними случилось? — спросила Арриэтта.

— Ну, когда Хозяин умер, а Она слегла в постель, кабинет никому больше не был нужен. Пришлось им уйти. А что еще им оставалось делать? Ни еды, ни огня. Там ужасно холодно зимой, когда не топят камин.

— А Клавесины? — спросила Арриэтта.

Хомили задумалась.

— Ну, они были другими. Я не говорю, что они не важничали, как и Надкаминные, потому что они тоже много понимали о себе. Твоя тетя

Люпи, которая вышла за дядю Хендрири, была Клавесин по первому мужу, а уж кому и знать, как не нам, как она задирала нос.

— Право, Хомили... — начал Под.

— И без всяких к тому оснований. Ведь она была просто Захомутницей, перед тем как вышла за Клавесина.

— Разве она вышла не за дядю Хендрири? — спросила Арриэтта.

— Да, позднее. Она была вдова с двумя детьми, а он был вдовец с тремя. И не гляди на меня так, Под. Ты же не станешь отрицать, что она без конца пилила бедного Хендрири; считала, что унизила себя, выйдя замуж за одного из Курантов.

— Почему? — спросила Арриэтта.

— Потому что мы, Куранты, живем под полом, вот почему. Потому что мы не выговариваем слова, как школьный учитель, и не едим тартинок с анчоусами. Что с того, что мы живем под кухней! Это вовсе не значит, что мы необразованные, вовсе нет. Куранты такая же старинная семья, как Клавесины. Запомни это хорошенько, Арриэтта, и пусть только кто-нибудь попробует сказать тебе, что это не так! Твой дедушка умел считать и писать цифры до... до скольких, Под?

— До пятидесяти семи, — сказал Под.

— Вот видишь! — сказала Хомили. — До пятидесяти семи! И твой отец тоже умеет считать, сама знаешь. Он умеет считать и записывать цифры до самого конца. Где у них конец, Под?

— Ровно на тысяче, — ответил Под.

— Вот видишь! — вновь воскликнула Хомили. — И азбуку знает, ведь это он тебя выучил буквам. И научился бы читать — правда, Под? — если бы ему не пришлось смолоду добывать. Твоему дяде Хендрири и твоему отцу пришлось подняться наверх и начать добывать, когда им было всего по тринадцать лет. Как тебе сейчас, Арриэтта. Только подумай!

— Мне тоже хотелось бы... — начала Арриэтта.

— Поэтому у него не было таких хороших условий, как у тебя, — продолжала не переводя дыхания Хомили, — и только потому, что Клавесины жили в гостиной... они переехали туда в тысяча восемьсот тридцать седьмом году, в дыру за деревянной панелью в том месте, где раньше стоял клавесин, если он вообще там стоял, в чем лично я сомневаюсь... а на самом деле их фамилия была Утюг или что-то в этом роде, и они изменили ее на Клавесин и...

— А что они ели? — спросила Арриэтта. — Там, в гостиной?

— Сладости к чаю, — ответила Хомили. — Одни сладости к чаю. Нечего удивляться, что дети у них были такие болезненные. Конечно, в прежние времена было лучше... к чаю подавали сдобные булочки, и лепешки, и сладкий пирог, и варенье, и джем. А один старый Клавесин даже помнил, как по вечерам там пили молочный пунш! Но им, бедолагам, приходилось добывать все в такой спешке! В сырые дни, когда человеки сидели чуть не весь день в гостиной, чай приносили и уносили, а Клавесины и близко к столу подойти не могли... а в теплые дни чай подавали в саду. Люпи рассказывала мне, что порой день за днем они питались одними черствыми крошками да пили воду из цветочных ваз. Так что не надо так уж на них нападать, немножко поважничать да разговаривать, как гостя, было для них единственным утешением. Ты слышала, как говорит тетя Люпи?

— Да... Нет... Не помню.

— О, тебе нужно было слышать, как она произносит слово «паркет», — это дощечки, из которых сделан пол в гостиной, «Паркэт... парр-кэт», — говорила она. Ох и умора же была! Если подумать, твоя тетя Люпи вообразала о себе больше всех остальных...

— Арриэтта дрожит от холода, — сказал Под. — Мы не для того подняли девочку с постели, чтобы говорить про тетю Люпи.

— Верно, верно, — виновато промолвила Хомили. — Тебе следовало меня остановить. Ну-ка, мой ягненочек, закутайся получше в одеяло, а я налью тебе чашку вкусного горячего бульона!

— И все же, — сказал Под, в то время как Хомили наливала бульон, — и для того тоже.

— Что — тоже? — спросила Хомили.

— Подняли ее, чтобы поговорить о тете Люпи тоже. О тете Люпи, дяде Хендрири и... — он приостановился, — Эглтине.

— Пусть сначала выпьет бульон.

— Никто не мешает ей пить, — сказал Под.

Глава шестая

ы с мамой подняли тебя, — начал Под, — чтобы рассказать о том, что делается наверху.

Арриэтта, держа чашку с бульоном в обеих руках, поглядела на него через край.

Под кашлянул.

— Ты сказала недавно, что небо темно-коричневое и в нем есть трещины. Это не так. — Он взглянул на нее чуть ли не осуждающе. — Оно голубое.

— Я знаю, — сказала Арриэтта. — Я видела через решетку.

— Разве тебе видно через нее небо?

— Продолжай, — прервала его Хомили, — расскажи ей о воротах.

— Ну, — тяжело роняя слова, проговорил Под, — а если ты выйдешь из этой комнаты, что ты увидишь?

— Темный коридор, — сказала Арриэтта.

— А что еще?

— Другие комнаты.

— А если пойдешь дальше?

— Еще коридоры.

— А если ты будешь идти и идти по этим коридорам вперед, и направо, и налево, и снова вперед и дойдешь до самого конца, что ты увидишь?

— Ворота, — сказала Арриэтта.

— Крепкие ворота, — сказал Под, — ворота, которые тебе не открыть. Для чего они?

— Чтобы к нам не попали мыши, — сказала Арриэтта.

— Верно, — неуверенно произнес Под, словно согласился с ней только наполовину. — Но мыши пока никому не причинили вреда. Еще для чего?

— От крыс? — предположила Арриэтта.
— Здесь нет крыс, — сказал Под. — А что ты думаешь о кошках?
— Кошках? — удивленно повторила Арриэтта.
— И о том: не для того ли эти ворота, чтобы удержать тебя здесь?
— Удержать меня здесь? — в полном замешательстве промолвила Арриэтта.

— Наверху очень опасно, — сказал Под. — А ты, Арриэтта, — все, что у нас есть, понимаешь? Не то что Хендрири. . . у него и сейчас двое своих детей и двое детей Люпи. А раньше, — добавил Под, — у него было трое. Трое своих.

— Отец имеет в виду Эглтину, — сказала Хомили.

— Да, — подтвердил Под. — Об Эглтине. Они никогда не рассказывали ей о том, что делается наверху. У них не было окошка, как у нас. Они говорили ей, что небо прибито над головой гвоздями, что в нем есть щели. . .

— Надо же так глупо воспитывать ребенка, — пробормотала Хомили. Она фыркнула и пригладила Арриэтте волосы.

— Но Эглтина была неглупая девочка, — продолжал Под, — она им не поверила. И вот однажды она поднялась наверх, чтобы увидеть все своими глазами.

— А как она выбралась? — с любопытством спросила Арриэтта.

— Ну, тогда у нас не было так много ворот. Только одни, под курантами. Видно, Хендрири забыл их запереть. Так или иначе, Эглтина вышла наружу. . .

— В голубом платье, — добавила Хомили, — и желтых лайковых туфельках, которые ей сшил твой отец, с пуговицами из черных бусин. Они были такие хорошенькие!

— Так вот, — продолжал Под, — в любое другое время все могло бы обойтись хорошо. Она бы вышла, осмотрела все кругом, может быть, немножко испугалась бы и вернулась обратно. . . несолоно хлебавши. . . но здоровой и невредимой.

— Но за это время многое произошло. — сказала Хомили.

— Да, — подтвердил Под, — она не знала, потому что никто не сказал ей, что ее отца «увидели», и что наверху завели кошку, и. . .

— Они ждали неделю, — сказала Хомили, — они ждали месяц, они не теряли надежды еще целый год, но с тех пор никто никогда не видел Эглтину.

— Вот что, — сказал, помолчав, Под и внимательно посмотрел на дочь, — вот что случилось с твоей двоюродной сестрой.

Снова настала тишина, только суп булькал на очаге да слышалось, как тяжело дышит Под.

— Это разбило сердце твоего дяди Хендрири, — сказала наконец Хомили. — Он больше никогда не поднимался наверх. . . боялся найти там желтые лайковые туфельки. Им оставалось одно — переехать.

Несколько минут Арриэтта молчала, но вот она подняла голову и спросила:

— Почему вы рассказали мне об этом? Сегодня? Сейчас?

— Хомили поднялась, не находя себе места, подошла к печке.

— Мы вообще об этом не говорим, во всяком случае, не часто. Но сегодня мы решили. . . — Внезапно она повернулась к Арриэтте. — Мы должны честно тебе сказать: сегодня твоего отца «увидели» наверху.

— О!.. — воскликнула Арриэтта. — Кто?

— Ну, кто-то, о ком ты никогда не слышала. Но дело не в этом, дело в том, что...

— Вы думаете, они заведут кошку?

— Вполне возможно, — сказала Хомили.

Арриэтта поставила на пол чашку с супом — она была ей чуть ли не до колен — и устоялась в нее; на ее лице появилось какое-то странное, мечтательное выражение.

— А мы не можем переехать? — наконец осмелилась она спросить.

Хомили всплеснула руками и повернулась к стене. У нее перехватило дыхание.

— Ты не понимаешь, о чем ты говоришь! — закричала она, обращаясь к висевшей на стене сковородке. — Червяки, и горностаи, и холод, и сырость, и...

— Но представь, что я вышла наружу и кошка слопала меня. Тогда вы с папой переехали бы? Ведь так? — спросила Арриэтта, и голос ее дрогнул. — Ведь так?

Хомили снова повернулась, на этот раз — к Арриэтте. У нее был очень сердитый вид.

— Я тебя отшлепаю, Арриэтта Курант, если ты не перестанешь болтать глупости!

Глаза Арриэтты наполнились слезами.

— Я только подумала, — сказала она, — что мне тоже хотелось бы уйти отсюда... не слопанной... — И слезы покатались у нее по щекам.

— Хватит, — сказал Под, — сейчас же прекрати. Отправляйся в постель, Арриэтта, неслопанная и неотшлепанная. Мы поговорим обо всем этом утром.

— Я вовсе не боюсь! — сердито вскричала Арриэтта. — Я люблю кошек. Спорю, что кошка не ела Эглтину. Спорю, что Эглтина просто убежала, потому что ей противно было сидеть взаперти... день за днем... неделю за неделей... год за годом... Так же, как мне! — добавила она и разрыдалась.

— Взаперти! — удивленно повторила Хомили.

Арриэтта прикрыла лицо руками.

— Ворота... — всхлипывала она, — ворота, ворота, ворота...

Под и Хомили устали друг на друга поверх ее склоненной головы.

— Не надо было заводить этого разговора сегодня, — сказал Под уныло. — Да еще так поздно, перед сном...

Арриэтта подняла залитое слезами лицо.

— Поздно или рано, какая разница! — вскричала она. — О, я знаю, папа удивительно ловко все добывает. Я знаю, что мы сумели остаться, хотя все остальные должны были уйти. Но к чему это нас привело? Не думаю, что это так уж умно — всю жизнь жить одним в большом полупустом доме, в подполье, где не с кем поговорить, не с кем поиграть, нечего видеть, кроме пыльных коридоров, нет никакого света, кроме света свечей и очага, да того света, что проникает сюда через щели. У Эглтины были братья, была ручная мышка, у Эглтины были желтые лайковые туфли с черными пуговками, и Эглтина вышла отсюда... пусть один раз!

— Ш-ш-ш, — ласково сказал Под, — не так громко.

Половицы у них над головой заскрипели, слышались тяжелые шаги взад и вперед, взад и вперед. Они слышали стук кочерги и ворчание миссис Драйвер. «Чтоб ей пусто было, этой плите, — бормотала она. — Опять восточный ветер поднялся. — Затем, повысив голос, она позвала: — Кремпфирл!»

Под сидел, сумрачно уставившись в пол; Арриэтта вздрогнула и плотнее закуталась в вязаное одеяло; Хомили испустила долгий и тяжкий вздох. Внезапно она подняла голову.

— Девочка права! — решительно сказала она.

У Арриэтты сделались круглые глаза.

— Ой, нет... — начала она. Она даже испугалась. Правы родители, а не дети. Она знала: дети могут говорить что им вздумается и получать от этого удовольствие, всегда зная, что они не правы и с ними не случится ничего плохого.

— Понимаешь, Под, — продолжала Хомили, — для нас с тобой все было иначе. Здесь были другие семьи, другие дети... В ванной комнате — умывальники, помнишь? И эта семья, что жила за хлеборезкой... я забыла их фамилию. И мальчики из чулана. И тогда был подземный ход в конюшню, по которому к нам приходили дети Захомутников. Нам было... как бы это сказать... веселей.

— Пожалуй, — сказал Под. — В некотором роде — да. Но куда это нас привело? Где все они сейчас?

— Я не удивлюсь, если многие из них живут и не тужат, — резко сказала Хомили. — Времена изменились, и дом этот изменился. Добыча у нас теперь не та, что прежде. Помнишь, многие ушли, когда здесь рыли канаву для газопровода. Через поле и лес и еще дальше. Настоящий туннель до самого Лейтон-Баззарда.

— Ну и что они там нашли? — сердито спросил Под. — Гору кокса.

Хомили отвернулась от него.

— Арриэтта, — сказала она по-прежнему решительно, — предположим, когда-нибудь... мы выберем такой день, когда в доме никого не будет, ну и, конечно, если они не заведут кошку, а у меня есть основания полагать, что они ее не заведут... предположим, когда-нибудь отец возьмет тебя с собой, когда пойдет добывать, ты хорошо будешь себя вести, да? Будешь делать все, что он скажет тебе, быстро и тихо, и без возражений?

Арриэтта вспыхнула и крепко сжала руки.

— О!.. — восторженно начала она, но Под тут же прервал ее:

— Право, Хомили, мы должны сперва подумать. Нельзя говорить такие вещи, не обдумав все хорошенько. Меня «увидели», не забывай об этом. Сейчас неподходящее время брать девочку наверх.

— Кошки не будет, — сказала Хомили, — на этот раз мы не слышали никакого визга. Не то что тогда, с Розой Пикхэтчет.

— Все равно, — уже сдаваясь, произнес Под, — какой-то риск остался. И я ни разу не слышал, чтобы девочка ходила добывать.

— Я так смотрю на это, — сказала Хомили, — и это только сейчас пришло мне в голову: если бы у нас был сын, ты бы взял его наверх, да? Ну, а сына у нас нет, только Арриэтта. Представь, с тобой или со мной что-нибудь случится, что будет тогда с ней, если она не научится добывать сама?

Под устался себе на колени.

— Да, — сказал он через минуту, — я понимаю, что ты имеешь в виду.
— И это будет ей интересно, и она перестанет томиться.
— Томиться? Почему?
— По голубому небу, траве и всему такому.
Арриэтта шумно вздохнула, и Хомили быстро обернулась к ней.
— Пустые мечты, Арриэтта, я все равно не перееду отсюда ни ради тебя, ни ради кого другого.
— Да-а, — протянул Под и рассмеялся. — Вот оно что!
— Тише, — предостерегающе шепнула Хомили и взглянула на потолок. — Не так громко. Ну, поцелуй отца, Арриэтта, — быстро сказала она, — и в постель!

Свернувшись калачиком под одеялом, Арриэтта чувствовала, как радость теплым потоком заливает ее с ног до головы. Она слышала голоса родителей за стеной то громче, то тише: голос Хомили звучал ровно, уверенно, в нем была убежденность — это был победный голос. Один раз Арриэтта услышала, как заскрипел стул, это поднялся Под. «Мне это не по душе», — проговорил он. Затем Хомили шепнула: «Тише», — и сверху донеслись неверные шаги и грохот кастрюль.

Арриэтта в полудреме глядела на свой разукрашенный потолок. «Цветок Гаваны» — гордо провозглашали знамена, «Высший сорт... Самое лучшее качество», — и прекрасные дамы в развевающихся одеждах торжествующе и беззвучно дули в трубы, возвещая грядущую радость...

Глава седьмая

ледующие три недели Арриэтта была на редкость «хорошей». Она помогла матери прибрать в кладовых; она подмела коридоры; она рассортировала бусы (они использовались вместо пуговиц) и разложила их по металлическим крышкам от баночек из-под аспирина; она нарезала старые лайковые перчатки на квадраты, из которых Под потом шил туфли; она наточила иголки из рыбьих косточек тоньше пчелиного жала; она повесила белье сушиться у оконной решетки, и оно тихо покачивалось там под легким ветерком; и наконец наступил день, когда Хомили, мывшая щеткой столешницу кухонного стола, распрямила спину и позвала:

— Под!

Он вошел из мастерской, держа в руке сапожную колодку.

— Погляди только на эту щетку! — вскричала она. Щетка была из жесткого волокна, переплетенного косицами с тыльной стороны.

— Ага, — сказал Под, — совсем вытерлась.

— Все костяшки ободрала, пока вымыла стол, — сказала Хомили.

Под встревожился. С того дня, какого «увидели», он добывал только на кухне, и то самое необходимое — топливо и еду. Под плитой наверху

была заброшенная мышиная нора, и ночью, когда огонь в плите был погашен, Под использовал ее как спуск, чтобы не носить вещи кругом. После несчастного случая на портьере они подставили под дыру комод из спичечных коробков, взгромодили на него табурет, и с помощью Хомили, которая подталкивала и подпихивала его снизу, Под выучился пролезать через спуск наверх. Теперь ему не надо было рисковать, пробираясь в кухню через холл и коридоры, он мог просто выскочить из-под огромной черной плиты и взять зубок чеснока, или морковку, или аппетитный ломтик ветчины. Но не надо думать, что это было очень просто. Даже если огонь в плите был погашен, часто на полу оставалась горячая зола и даже угли, а однажды, когда он выбрался наружу, миссис Драйвер чуть не смела его в кучу мусора огромной метлой, и он скатился вниз прямо на голову Хомили, обжегшийся и напуганный и долго не мог откашляться от золы. А в другой раз огонь по какой-то неизвестной причине горел во всю мочь, и Под вдруг оказался в настоящем пекле, где на него сыпались добела раскаленные глыбы угля. Но обычно ночью плита бывала холодная, и Под спокойно выбирался на кухню.

— Миссис Драйвер нет дома, — сказала Хомили. — У нее сегодня выходной. А Она (они всегда называли тетю Софи «Она») спокойно лежит у себя в спальне.

— Да их-то я не боюсь, — сказал Под.

— Неужто мальчишка еще в доме?! — воскликнула Хомили. — Быть не может.

— Не знаю, — сказал Под. — Всегда есть риск, — добавил он.

— И всегда будет, — возразила Хомили. — Помнишь, однажды ты был в угольном чулане, — и приехал фургон с углем?

— Но про этих двух — про миссис Драйвер и про Нее — я всегда знаю, где они.

— Ну, что до этого, — воскликнула Хомили, — мальчик еще лучше! Мальчика за милю слышно. Что ж, — продолжала она, помолчав, — делай как знаешь. А только непохоже на тебя толковать о риске...

Под вздохнул.

— Ладно, — сказал он и пошел за своим походным мешком.

— Возьми девочку! — крикнула Хомили ему вслед.

Под обернулся.

— Право, Хомили... — начал он встревоженно.

— Почему нет? — ворчливо спросила Хомили. — Сегодня самый подходящий день. Ты не пойдешь дальше парадной двери. Если ты волнуешься, оставь ее под курантами, она в одну секунду сможет нырнуть вниз и убежать. Дай ей хоть выглянуть наружу. Арриэтта!

Арриэтта вбежала в комнату. Под попытался снова возразить жене.

— Послушай, Хомили!... — протестующе начал он.

Но Хомили словно и не слышала его.

— Арриэтта, — весело сказала она, — хочешь пойти с папой и добыть для меня щетинки на щетку из коврика для ног в холле?

Арриэтта подпрыгнула на месте.

— Ах! — воскликнула она. — Мне можно?

— Сними передник, — продолжала Хомили, — и переобуйся. Когда идешь добывать, нужна легкая обувь. Надень, пожалуйста, свои красные лайковые туфли.

И когда Арриэтта, кружась, выбежала из комнаты, она обернулась к Поду.

— Все будет в порядке, — сказала она, — вот увидишь.

Арриэтта шла за отцом по темным переходам, и сердце все чаще и чаще билось у нее в груди. Сейчас, когда наступил наконец этот долгожданный миг, она еле могла совладать с волнением. Она вся дрожала, ей казалось, что у нее внутри совсем пусто, что она ничего не весит.

У них было три мешка на двоих. «На случай, — объяснил ей Под, — если мы найдем что-нибудь интересное. Всегда нужно иметь запасной мешок, чтобы не упустить счастливый шанс». Когда они подошли к первым воротам, Под положил мешки на землю, чтобы открыть щеколду. Она была сделана из французской булавки, большой и слишком тугой, чтобы открыть ее руками. Арриэтта смотрела, как отец повис всем телом на защелкнутом острие, так что ноги у него болтались в воздухе, затем, перебирая руками, стал двигаться по острию к головке, пока булавка не открылась; в тот же миг он прыгнул на землю.

— Ты бы этого не смогла, — сказал он, отряхивая руки, — ты слишком легкая. И мама не смогла бы. Ну, пошли, только тихо.

Они миновали еще много ворот, и все их Под оставлял открытыми. «Никогда не запирай ворота, когда идешь наверх, — шепотом объяснил он ей, — тебе может понадобится быстро вернуться». Наконец Арриэтта увидела впереди тусклый свет. Она потянула отца за рукав.

— Это оно? — шепнула Арриэтта.

Под остановился.

— Спокойней, спокойней, — предупредил он ее. — Да, это дыра под курантами.

Арриэтта почувствовала, что у нее перехватило дыхание, но внешне она никак не выдала себя.

— Туда ведут три ступени, — продолжал Под, — они довольно крутые, так что смотри не оступись. Когда окажешься под курантами, оставайся там; будь внимательна и не своди с меня глаз. Если все спокойно и никого поблизости нет, я подам тебе знак.

Ступеньки были высокие и не совсем ровные, но Арриэтта взобралась на них легче, чем Под. Когда она протиснулась сквозь зазубренные края дыры, глаза ее вдруг ослепило расплавленным золотом — это на каменных плитах холла лежало весеннее солнце. Она стала во весь рост, и пол исчез из вида; она оказалась в огромной пещере — футляре часов, где наверху смутно виднелись в темноте очертания висевших на цепях гирь. Мрак и пустота вокруг были наполнены размеренными, тяжелыми, гулкими звуками; они успокаивающе отдавались у нее в ушах; а высоко над головой Арриэтта увидела маятник, он слегка поблескивал в полумраке, осторожно, ритмически раскачиваясь взад-вперед. Арриэтта почувствовала на глазах горячие слезы, сердце ее внезапно переполнилось гордостью: так вот какие они — куранты. Их часы... в честь которых их семья звалась Куранты. Вот уже двести лет, как они стоят на этом месте, терпеливо охраняя вход в их дом, басовито отстукивая время.

На светлом фоне сводчатого выхода четко вырисовывалась фигура Пода, низко припавшего к земле. «Не своди с меня глаз», — так он ей

сказал, и Арриэтта тоже послушно сжалась в комок. Она вновь увидела сверкающий золотом каменный пол холла — он уходил далеко-далеко от нее, — увидела края ковров, лежащих как многоцветные острова на расплавленном море солнца, и еще дальше она увидела во всем великолепии солнечного света открытые парадные двери — словно вход в волшебную страну, о которой она мечтала всю жизнь. За дверями была трава — настоящий лес, и где-то высоко — колеблемые ветерком зеленые ветки деревьев.

Глаза Поды сделали полный круг.

— Подожди! — шепнул он. — И смотри в оба.

И вдруг его не стало.

Арриэтта следила за тем, как он катится по залитому солнцем полу, быстро, как мышь или уносимый ветром листок... и внезапно она увидела его «маленьким». «Но ведь он не маленький, — сказала она себе, — он на полголовы выше мамы». Она заметила, как он обогнул коричневый коврик для ног у порога и скрылся в тени у двери. Казалось, он превратился в невидимку. Арриэтта смотрела и ждала. Было совсем тихо. Вдруг в часах, в темной пустоте над ее головой, раздался какой-то звук — не то скрип, не то скрежет, — а затем послышался бой. Часы пробили три раза, неторопливо, звучно. «Нравится вам это или не нравится, — казалось, говорили они, — но сейчас три часа, ровно три».

Внезапное движение у дверного порога, укрытого в тени, — и Арриэтта снова увидела Поду: с мешком в руках он стоял у коврика для ног, который доходил ему до колен, золотисто-коричневый, как ржаное поле. Арриэтта увидела, как он взглянул на часы, затем поднял руку.

Ах, какие теплые были каменные плиты пола, по которым она бежала... каким радостным — солнечный свет на ее лице и руках... каким страшным — необозримое пространство вокруг! Под подхватил ее, прижал к груди и ободряюще похлопал по спине.

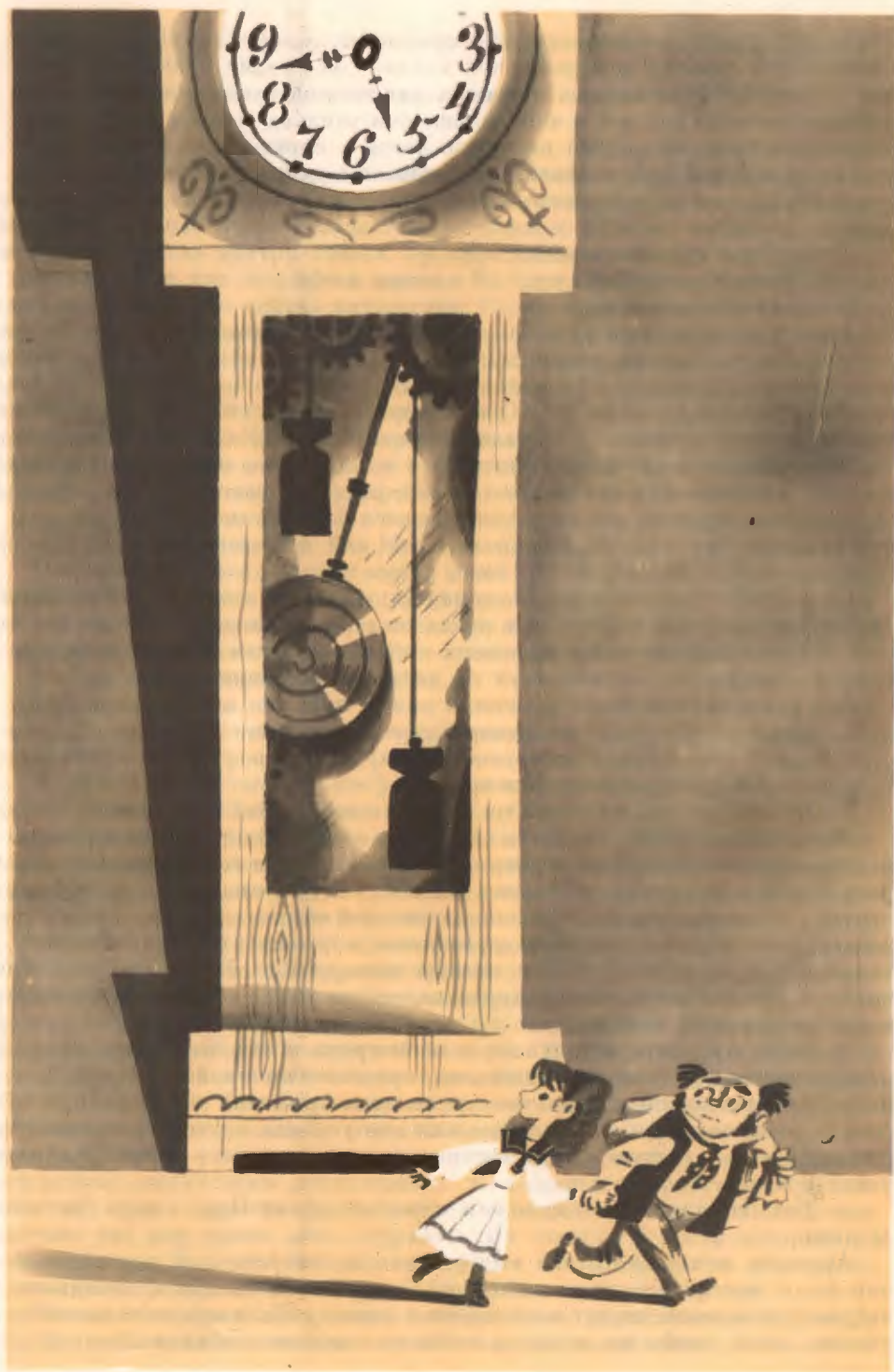
— Ну же, ну же, — сказал он, — отдышись... Вот и умница!

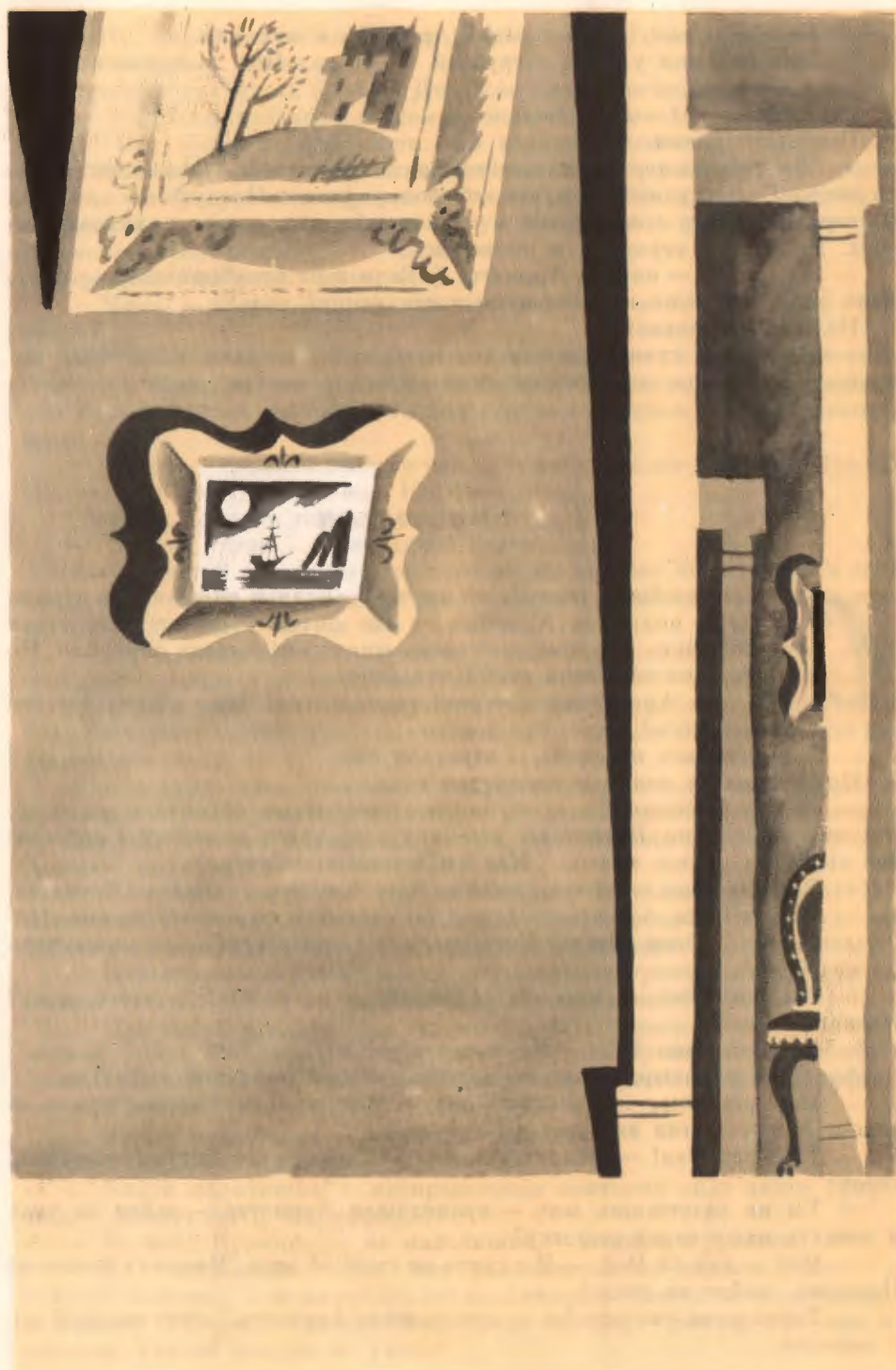
Все еще задыхаясь, Арриэтта поглядела вокруг. Она увидела огромные ножки стула, вздымающиеся вверх, увидела укрытую тенью нижнюю сторону сиденья, словно балдахин над головой, увидела гвозди, и брезентовые ленты, и болтающиеся кое-где концы шелковой обивки, и бечевку; она увидела крутые обрывы ступеней, огромными уступами уходящие в высоту, увидела резные ножки стола и темную пещеру под сундуком. И все это время в тишине звучал голос курантов, отсчитывающих секунды, вселяя в нее уверенность и покой.

А потом Арриэтта обернулась и посмотрела в сад. Она увидела гравиевую дорожку, устланную цветными камнями величиной с грецкий орех, и пробивающиеся среди них кое-где зеленые травинки — прозрачные от солнца зеленые копыя. Позади дорожки она увидела крутой травянистый склон, за ним — густую живую изгородь, а за изгородью — фруктовые деревья в цвету.

— Вот тебе мешок, — хриплым шепотом сказал Под, — пора браться за дело.

Арриэтта послушно стала выдергивать из коврика для ног волокна; они были жесткие и очень пыльные. Под работал быстро и методично; набрав пук волокон, он тут же клал его в мешок. «Если придется внезапно убежать, надо, чтобы не осталось никаких следов», — объяснил он ей.

— Больно рукам, да? — сказала Арриэтта и чихнула.
— Мне нет, они у меня загрубели, — ответил Под, и Арриэтта снова чихнула.

— Пыльно, да? — сказала она.

Под выпрямился.

— Нет смысла дергать там, где волокно сваялось, — сказал он, глядя на нее. — Нечего удивляться, что тебе больно рукам. Послушай, — добавил он через секунду, — оставь. Ведь ты первый раз в жизни поднялась наверх. Посиди на ступенях и полюбуйся.

— Ах, нет... — начала Арриэтта («Если я не буду помогать, — подумала она, — папа не возьмет меня в следующий раз»).

Но Под настаивал:

— Мне даже лучше самому все надергать, — сказал он. — Могу брать то, что надо, понимаешь? Ведь щетку-то делать мне.

Глава восьмая

Ступени были теплые, но крутые. «Если я спущусь на дорожку, — подумала Арриэтта, — мне потом будет не взобраться обратно». Поэтому несколько минут она сидела спокойно. Но вот она заметила скобу для сапог.

— Арриэтта, — негромко позвал ее Под. — Куда ты подевалась?

— Я спустилась по скобе, — ответила она.

Под вышел из холла и посмотрел вниз.

— Ладно, — сказал он, — но помни: никогда не спускайся по тому, что не прикреплено. Представь: кто-нибудь из «них» подойдет и переставит скобу на другое место... Как ты попадешь обратно?

— Она слишком тяжелая, чтобы ее переставлять, — сказала Арриэтта.

— Может быть, — ответил Под, — но сдвинуть ее все же можно. Понимаешь, что я имею в виду? Есть правила, дочка, и тебе нужно выучить их назубок.

— Эта дорожка, — спросила Арриэтта, — идет вокруг всего дома? И склон тоже?

— Да, — ответил Под. — Ну и что из того?

Арриэтта поковыряла землю носком красной лайковой туфельки.

— Моя решетка, — объяснила она. — Моя решетка, верно, сразу за углом. Моя решетка выходит на этот склон.

— Твоя решетка! — воскликнул Под. — С каких это пор решетка стала твоей?

— Ты не разрешишь мне, — продолжала Арриэтта, — зайти за угол и позвать маму через решетку?..

— Нет, — сказал Под. — И думать не смей об этом. Никаких решеток! Никаких «зайти за угол»!

— Тогда мама увидела бы, — продолжала Арриэтта, — что со мной все в порядке.

— Ну, ладно, — сказал Под и улыбнулся. — Только быстро. Я тебя здесь посторожу. И не кричи.

Арриэтта пустилась бежать. Дорожка была хорошо утрамбована, и ее легкие туфельки, казалось, совсем не касались камней. Как замечательно бегать! Под полом не побежишь: там ходишь, ползаешь, пробираешься, но не бежишь. Арриэтта чуть не пробежала мимо решетки, но вовремя увидела ее; сразу, как завернула за угол. Да, это была она — почти у самой земли, глубоко врезанная в старую стену дома; перед ней зеленело неровное пятно плесени.

Арриэтта подбежала к решетке.

— Мама! — закричала она, прижав нос к железным прутьям. — Мамочка!

Она подождала немного и снова позвала. На третий раз Хомили услышала ее и подошла к окну. Волосы ее были растрепаны, в руках она с трудом несла крышку от банки из-под соленых огурцов, полную мыльной воды.

— Фу ты, — сердито сказала она, — и напугала же ты меня! Что случилось? Что ты тут делаешь? Где твой отец?

Арриэтта дернула головой направо.

— Там, за углом... у парадной двери.

Она была так счастлива, что ноги ее, не видные Хомили, сами собой плясали по земле. Наконец-то она по другую сторону решетки... с наружи... и глядит оттуда внутрь!

— Да, — сказала Хомили, — они всегда распахивают настежь парадные двери в первый весенний день. Ладно, — деловито продолжала она, — беги теперь к папе. И скажи ему, что если двери в кабинет открыты, я не буду возражать против кусочка красной промокашки. Отойди-ка, мне надо выплеснуть воду.

«Вот откуда здесь плесень, — подумала Арриэтта, во всю прыть направляясь к отцу, — от воды, которую мы выплескиваем через решетку».

Под облегченно вздохнул, увидев ее, но когда она передала ему слова Хомили, нахмурился.

— Как, она думает, я заберусь на конторку без шляпной булавки? Промокательную бумагу снизу не подберешь, надо забираться наверх; пора бы ей уже это знать! Ну, пошли. Поднимайся сюда.

— Позволь мне остаться внизу, — умоляюще произнесла Арриэтта. — Самую чуточку. Пока ты не кончишь. В доме никого нет. Кроме Нее.

— Кто знает, а вдруг Она вздумает встать с постели и спуститься с палкой вниз? Кто знает, а вдруг миссис Драйвер не ушла сегодня из дома... Может быть, у нее голова болит? Кто знает, а вдруг мальчишка все еще здесь?

— Какой мальчишка? — спросила Арриэтта.

На лице Поды отразилось смущение.

— Какой мальчишка? — неопределенно повторил он и затем продолжал: — Может быть, Крэмпфирл?..

— Но ведь Крэмпфирл не мальчишка, — сказала Арриэтта.

— Да, — согласился Под, — его мальчишкой не назовешь, нет, — он немного подумал, — не назовешь его мальчишкой. Нет, он не мальчишка... не совсем!.. Ладно, — сказал Под, уходя внутрь, — побудь там еще немножко. Только никуда не уходи!

Арриэтта подождала, пока он войдет в холл, затем огляделась вокруг. О радость! О счастье! О свобода! Солнце, трава, теплый ветерок и посередине зеленого склона, там, где он заворачивал за угол, огромное вишневое дерево в цвету! Под ним на дорожке густым слоем лежали розовые лепестки, а у самого ствола рос бледно-желтый, как сливочное масло, первоцвет.

Арриэтта бросила украдкой взгляд на ступени, затем, легкая, как танцовщица, понеслась в своих красных лайковых туфельках к лепесткам. У них были загнутые края, как у раковин, и они тихонько качались, когда она дотрагивалась до них.

Она подняла несколько лепестков и сложила их один в другой... все выше и выше, как карточный домик, а потом вновь рассыпала.

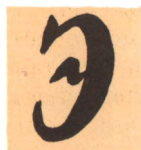
Отец снова вышел на крыльцо.

— Не уходи далеко, — сказал он.

Арриэтта увидела, как у него шевелятся губы, и улыбнулась в ответ; слов его она не расслышала: она уже была слишком далеко.

Зеленовато-серый жук бежал к ней по дорожке, сверкая под солнцем. Она коснулась ладшкой его панциря, и жук застыл в неподвижности; она убрала руку, и он быстро двинулся дальше. Деловито семена, на повороте показался муравей. Арриэтта запрыгала перед ним, чтобы его поддразнить, и загородила ему ногой дорогу. Он уставился на нее, не зная, что делать, поводя усиками, затем с обиженным и сердитым видом побежал в другую сторону. На траву под деревом опустились две птицы, больше Арриэтты ростом, ссорясь громкими, пронзительными голосами. Одна из них улетела, но другая все еще была видна в траве на склоне над головой Арриэтты. Арриэтта осторожно стала пробираться вверх между травинками. Ей было немного страшно. Когда она раздвигала траву руками, большие капли воды капали ей на юбку, а красные лайковые туфельки скоро совсем промокли. Но Арриэтта шла вперед и вперед в чащобе лесных фиалок, мха и стелющихся по земле листьев клевера, время от времени спотыкаясь об узловатые корни трав. Травинки, такие острые на вид, оказались мягкими на ощупь и легко смыкались за ней. Но когда Арриэтта добралась до дерева, птица испугалась ее и улетела. Арриэтта села на пожухлый лист первоцвета. Воздух был напоен ароматом цветов. «Никто не хочет играть со мной», — подумала она. В трещинках и ложбинках листьев первоцвета прятались крупные хрустальные бусины росы. Когда Арриэтта нажимала на лист, они перекатывались, как крокетные шары. На склоне, под пологом высокой травы было тепло, даже жарко, сухо пахла земля. Встав, Арриэтта сорвала цветок первоцвета. Розоватый стебель, толщиной с ее руку, гибкий и покрытый нежным серебристым пушком, казался живым, а когда она подняла цветок, как зонтик, над головой, она увидела сквозь покрытые жилками лепестки слабо просвечивающее солнце. На куске коры Арриэтта заметила мокрицу и легонько ударила ее гибким цветком. Мокрица тут же свернулась в тугой мячик и мягко покатилась вниз, в сырую траву. Но Арриэтта и дома часто играла с мокрицами, их было полно под полом. Хомили всегда бранила ее за это, она говорила, что от них пахнет, как от старых ножей. Арриэтта легла на спину среди первоцвета — там не так пекло солнце и было прохладней, — затем, вздохнув, повернула голову и поглядела вверх между стеблями травы. И тут сердце чуть не выскочило у нее из груди. Над ней на склоне что-то двигалось. Что-то блестело. Что это могло быть?

Глава девятая

то был глаз. Во всяком случае, «оно» было похоже на глаз. Ярко-синий, как небо над головой. Такой же, как у нее, только огромный-преогромный. Сердитый глаз. Задохнувшись от страха, Арриэтта села. Глаз моргнул. Длинная бахрома светлых загнутых ресниц опустилась над ним и вновь взлетела вверх. Арриэтта осторожно двинула ногой: сейчас она скользнет бесшумно в траву и скатится по склону.

— Ни с места!.. — раздался голос; голос, как и глаз, был огромный, но вместе с тем приглушенный, он звучал как ветер, врывающийся к ним через решетку в грозовые мартовские ночи.

Арриэтта застыла. «Так вот оно, — подумала она, — самое худшее, самое ужасное, что могло случиться: меня «увидели». То, что было с Эглтиной, будет сейчас со мной».

Наступило молчание; сердце громко стучало у Арриэтты в ушах, но даже сквозь его удары она слышала, как воздух вновь с глухим шумом наполнил огромные легкие.

— ... Не то, — продолжал голос, по-прежнему шепотом, — я ударю тебя прутиком.

И вдруг Арриэтта успокоилась.

— Почему? — спросила она.

Как странно звучал ее голос: он прозвенел в воздухе, тонкий и чистый, как звон хрустального колокольчика.

— А чтобы ты не прыгнула на меня, — раздался наконец удивленный шепот, — чтобы не поцарапала меня своими противными тощими руками.

Арриэтта уставилась на глаз, но с места не двинулась.

— Почему? — снова спросила она, и опять вопрос ее прозвенел, как колокольчик... только теперь звон был холодный, как лед, и колючий, как иголка.

— Так бывает, — сказал голос. — Я сам видел. В Индии.

Арриэтта подумала о своем «Географическом справочнике Мальчика с пальчик».

— Но мы сейчас не в Индии, — сказала она.

— Ты вышла из дома?

— Да, — сказала Арриэтта.

— Откуда, из какой комнаты?

Арриэтта пристально поглядела прямо в глаз.

— Не скажу, — храбро промолвила она наконец.

— Тогда я ударю тебя прутиком.

— Ударь! — сказала Арриэтта. — Ударь!

— Я подниму тебя и сломаю пополам.

Арриэтта встала на ноги.

— Давай! — сказала она и сделала два шага вперед.

Раздался короткий вздох, и земля под ее ногами задрожала: он откатился от нее и сел в траве — гора в зеленой вязаной рубашке. У него были светлые прямые волосы и золотистые ресницы.

— Стой, где стоишь! — закричал он.

Арриэтта сердито подняла глаза. Так вот что это такое... «мальчишка». От страха она казалась сама себе легкой-прелегкой.

— Тебе, верно, девять? — спросила она через минуту.

Он вспыхнул.

— Вот и нет! Десять! — Он поглядел на нее, тяжело дыша. — А тебе сколько?

— Четырнадцать, — сказала Арриэтта, — будет в июне, — добавила она, не спуская с него глаз.

Снова наступило молчание. Арриэтта ждала, все еще дрожа.

— Ты умеешь читать? — спросил наконец мальчик.

— Конечно, — ответила Арриэтта. — А ты разве нет?

— Н-нет, — запинаясь, проговорил он. — То есть, да... То есть... я приехал из Индии.

— Ну и что с того? — спросила Арриэтта.

— Если ты родился в Индии, у тебя два языка. А если у тебя два языка, ты не можешь читать. Можешь, но не очень хорошо.

Арриэтта глядела на него во все глаза. «Ну и чудище, — думала она, — настоящая гора».

— А из этого вырастаешь? — спросила она.

Он чуть подвинулся, и она почувствовала, как от его тени на нее пахнуло холодом...

— О, да, — ответил он, — постепенно это проходит. У моих сестер тоже было два языка, а теперь больше нет. Они могут прочитать какую хочешь книжку из тех, что лежат в классной комнате.

— И я могу, — быстро проговорила Арриэтта. — Если кто-нибудь будет ее держать и переворачивать страницы. У меня один язык. Я все могу читать.

— А вслух — тоже можешь?

— Конечно, — сказала Арриэтта.

— Ты подождешь, пока я сбегаю наверх и принесу книгу?

— Что ж, — сказала Арриэтта; ей очень хотелось показать ему, как хорошо она читает, но тут в ее глазах промелькнул испуг. — Только... — с запинкой продолжала она.

— В чем дело? Что «только»? — Мальчик уже был на ногах. Он вынырнул над ней, как башня.

— Сколько в этом доме дверей? — Она, прищурившись, глядела на него против света. Он опустился на одно колено.

— Дверей? — переспросил он. — Наружных дверей?

— Да.

— Ну, парадная дверь, черный ход сзади, дверь из комнаты, где хранятся охотничьи ружья, дверь из буфетной... и французские окна в гостиной.

— Понимаешь, — сказала Арриэтта, — там, в холле, мой отец. Он работает у парадной двери. Он... он не любит, когда ему мешают.

— Работает? — спросил мальчик. — А что он делает?

— Добывает материал, — сказала Арриэтта, — для щетки.

— Тогда я пойду через черный ход. — Он сделал несколько шагов, но вдруг остановился и снова подошел к ней. Минуту он стоял в замешательстве, затем, покраснев, спросил:

— Ты умеешь летать?

— Нет, — удивленно ответила Арриэтта. — А ты?

Он покраснел еще гуще.

— Конечно, нет, — сердито сказал он. — Я не эльф и не фея.

— И я тоже нет, — сказала Арриэтта. — Их вообще не существует.

Я в них не верю.

Мальчик как-то странно на нее посмотрел.

— Ты в них не веришь?

— Нет, — сказала Арриэтта. — А ты?

— Конечно, нет!

«Право же, — подумала она, — какой сердитый мальчик».

— Моя мама в них верит, — сказала она, стараясь умиловать его. —

Она говорит, что видела однажды одного эльфа. Еще когда была девочкой и жила со своими родителями за песчаной кучей у гончарни.

Мальчик присел на корточки, и она почувствовала его горячее дыхание на своем лице.

— На что он был похож? — спросил он.

— Ростом со светлячка и с крылышками, как у стрекозы. У него было крошечное личико, — рассказывала мама, — оно светилось и словно искрилось, и крошечные ручки. Личико все время менялось, улыбалось и как будто мерцало. Казалось, рассказывала она, что он что-то говорит, очень быстро, но ей не было слышно ни звука.

— Ах! — воскликнул мальчик. — Как интересно! А куда он подевался?

— Исчез, — сказала Арриэтта. — Когда мама его увидела, ей показалось, что он запутался в паутине. Но было темно. Это случилось после чая. А зимой в пять часов уже темно.

— О-о-о!.. — протянул мальчик и, подняв с земли два лепестка вишни, сложил их сэндвичем и принялся медленно жевать.

— Представь, — сказал он, уставившись глазами в стену дома, — что ты увидела посредине портьера маленького человечка, величиной с карандаш, с синей заплатой на штанах и с кукольной чашкой в руке... ты бы не подумала, что это эльф?

— Нет, — сказала Арриэтта, — я бы подумала, что это мой папа.

— Да? — произнес мальчик и нахмурился. — А у твоего папы синяя заплатка на штанах?

— Не на парадных. На тех, в которых он ходит на работу.

— О-о-о!.. — снова протянул мальчик. — А много таких человечков, как он?

— Нет, — ответила Арриэтта. — Мы не похожи друг на друга.

— Я хочу сказать — таких крошечных.

Арриэтта рассмеялась.

— Ну, не будь дурачком, — сказала она. — Не думаешь же ты, что на свете много человек такой величины, как ты!

— Куда больше, чем таких, как ты! — запальчиво возразил он.

— Честно... — начала Арриэтта и снова рассмеялась. — Неужели ты на самом деле думаешь... ты только представь себе, что бы было тогда на свете! Такие огромные стулья... я их видела. Представляешь — делать такие стулья для всех! А материя на одежду?.. Ее понадобились бы целые мили... А огромные дома... такие высокие, что и потолка не видно... а огромные кровати... А еда!.. Сколько понадобилось бы еды! Целые озера супа, трясины желе, горы мяса и овощей!

— А вы разве не едите супа? — спросил мальчик.

— Конечно, едим, — засмеялась Арриэтта. — У моего папы был дядя, у которого была лодочка, и он катался в кастрюле с бульоном и подбирал все, что там плавало зря. А иногда забрасывал удочку на дно, чтобы подцепить кусочек костного мозга. Но потом кухарка заподозрила неладное, когда ей стали попадаться в супе согнутые булавки. Однажды он чуть не потерпел крушение, когда налетел на затонувшую сахарную кость. Дядя потерял весла, в лодке сделалась течь, но он закинул удочку на ручку кастрюли и подтянулся к ее краю. Сколько там было бульона!.. дна не видно! А кастрюля! Я хочу сказать, такие громады скоро всю бы Землю объели... ничего бы не осталось. Вот почему хорошо, говорит папа, что они вымирают... «Нам много не надо, говорит папа, несколько штук — и все, чтобы нас обеспечить. Хорошенького, говорит он... — она приостановилась, стараясь вспомнить слова отца, — понемножку». Он говорит...

— Погоди, — прервал ее мальчик, — что значит «нас обеспечить»?

Глава десятая

Арриэтта рассказала ему о том, как они добывают то, что им нужно, какая это трудная и опасная работа. Она рассказала ему о кладовых в подполье, о подвигах Пода в его молодые годы, о его ловкости и мужестве; описала те далекие времена, еще до ее рождения, когда Под и Хомили были богаты и у них была музыкальная табакерка, покрытая золотой филигранью, и крошечная птичка, сделанная из перышек зимородка, вылетающая из табакерки, — она хлопала крылышками и пела песенку; и кукольная мебель, и малюсенькие стаканчики из зеленого стекла; серебряный чайник из горки в гостиной, атласное покрывало и вышитые простынки... «Они у нас до сих пор есть, — сказала Арриэтта, — это Ее носовые платки...» «Она», как мало-помалу догадался мальчик, была тетя Софи наверху. Он узнал, как Под добывал вещи в Ее спальне, пробираясь при свете камина среди безделушек на туалетном столике; он даже взбирался по пологу и расхаживал у Нее по одеялу. А Она следила за ним глазами, а иногда даже разговаривала с ним, потому что, объяснила Арриэтта, каждый день в шесть часов вечера Ей приносили графинчик доброй старой мадеры, от которой к полуночи не оставалось ни капли. Никто ее не винил, даже Хомили, потому что, как говорила Хомили, у Нее, бедняжки, так мало осталось удовольствий в жизни. И после первых трех рюмок, объяснила Арриэтта, Она не верила ничему, что видели ее глаза!

— Она думает, что папа вылезает из графина, — сказала Арриэтта. — Когда-нибудь, когда я стану постарше, он и меня возьмет к Ней, и Она подумает, что я тоже вылезла из графина. Ей это будет приятно, говорит папа, Она к нему привязалась. Однажды он взял к Ней маму, и тетя Софи очень обрадовалась и потом все спрашивала, почему мама больше не приходит, и говорила, что ей развлекают мадеру водой, потому что один раз

она видела маленького мужчину и маленькую женщину, а теперь видит лишь одного мужчину.

— Хорошо бы, если бы она и про меня думала, что я вылез из графина, — сказал мальчик. — Она учит меня писать, диктует мне диктовки. Я вижу ее только по утрам, а по утрам она сердитая. Она посылает за мной, смотрит, чистые ли у меня уши, и спрашивает миссис Драйвер, выучил ли я урок.

— А на что похожа миссис Драйвер? — спросила Арриэтта. (Как восхитительно было разговаривать вот так, небрежно, о миссис Драйвер!.. Как храбро с ее стороны!)

— Она толстая, у нее растут усы, и когда она купает меня, она изо всей силы трет мочалкой по синякам и ссадинам и говорит, что — дай только срок! — отшлепает меня туфлей.

Мальчик выдрал пук травы и стал его разглядывать. Арриэтта заметила, что губы его дрожат.

— А моя мама очень хорошая, — продолжал мальчик. — Она живет в Индии... А почему вы потеряли все свои богатства?

— Понимаешь, наверну, в кухне, лопнул кипяtilьник, и наш дом залило горячей водой. Все вещи прибило к оконной решетке. Папа работал день и ночь не покладая рук. Сначала в горячей воде, потом в холодной. Пытался спасти имущество. Это было в марте, и внизу был ужасный сквозняк. Папа простудился и заболел; он не мог больше ходить наверх. Поэтому работать пришлось дядюшке Хендрири и другим, и мама отдала им все наши вещи, одну за другой, за их труды. Птичка из музыкальной табакерки испортилась от воды, перышки выпали, и наружу вылезла колючая пружина. Папа поставил пружину на дверь, чтобы та плотней закрывалась, и не было сквозняка, а перышки мама приладила к своей кротовой шляпке. Потом родилась я, и папа снова стал добывать. Но теперь он быстрее устает и не любит лазать по портьерам, особенно когда оторваны бомбошки...

— Я ему немного помог, — сказал мальчик, — тогда, с чашкой. Он весь дрожал. Я думаю, он испугался.

— Папа испугался?! — сердито воскликнула Арриэтта. — Испугался тебя?!

— Может, он не любит высоты? — сказал мальчик.

— Он любит высоту, — возразила Арриэтта. — Чего он не любит — так это портьер. Я же тебе сказала. Он от них устает.

Мальчик сидел на корточках, задумчиво жуя травинку.

— Добывать — вы так это называете? — сказал он наконец.

— А как иначе это можно назвать? — спросила Арриэтта.

— Я бы назвал это — красть.

Арриэтта рассмеялась. Она смеялась до упаду, до слез.

— Но нас же так зовут: до б ы в а й к и, — объяснила она, — как вас — человеки или как там? Мы — часть этого дома. Ты еще скажи, что камин крадет уголь у ведерка для угля.

— Тогда что такое воровство?

У Арриэтты сделался серьезный вид.

— Предположим, дядя Хендрири добыл часы с изумрудами с Ее туалетного стола, а папа забрал их и повесил у нас на стене. Вот это воровство.

— Часы с изумрудами! — воскликнул мальчик.

— Неважно что; я сказала «часы», потому что у нас висят такие часы в столовой, но их папа добыл своими руками. Это может быть что угодно: кусок сахара хотя бы. Но мы никогда ничего не ворует.

— Только у людей! — сказал мальчик.

Арриэтта снова рассмеялась. Она до того досмеялась, что ей пришлось спрятать лицо в цветок.

— Ой, умора! — чуть не плача от смеха, сказала она. — Ну и чудак же ты! — Она подняла глаза на его недоумевающее лицо. — Людей нарочно сделали для добываек... как хлеб для масла!

Мальчик несколько минут сидел молча. Под порывом ветра зашелетели вишни, закачались розовые цветы.

— Нет, я этому не верю, — сказал он наконец, глядя, как слетают вниз лепестки. — Я не верю, что нас сделали для вас, ни капельки не верю; и не верю, что мы вымираем!

— Ну, какой ты непонятливый! — нетерпеливо воскликнула Арриэтта, глядя ему в подбородок. — Где твой здравый смысл? Ты — единственный человек, которого я видела (хотя я знаю, что есть еще трое: Она, миссис Драйвер и Крэмпфирл). Но я знаю кучу добываек: Надкаминных, и Клавесинов, и Захомутников, и Утюгов, и Плинтусов, и Подсундучных, и... и... и преподобного Джона Стаддингтона, и...

Мальчик посмотрел вниз.

— Джона Стаддингтона? Но это же наш двоюродный дедушка.

— Эта семья жила за его портретом, — продолжала Арриэтта, слушая его вполуха, — а еще здесь жили Запечники, и Гонги, и...

— Хорошо, — прервал он ее. — А ты их видела?

— Я видела Клавесинов. А моя мама сама из Гонгов. Другие жили здесь еще до моего рождения...

Мальчик наклонился еще ниже.

— Так где же они теперь, ну-ка, скажи.

— Дядюшка Хендрири живет за городом, — холодно произнесла Арриэтта, отодвигаясь от его огромного лица; она заметила, что оно было покрыто светло-золотистым пухом. — Вместе со своими детьми: Клавесинами и Курантами.

— Ну, а где другие?

— Кто где, — сказала Арриэтта, а про себя подумала: а правда — где? От мальчика падала на нее наискосок большая тень, и Арриэтта вдруг вздрогнула, словно от холода.

Он снова отодвинулся, его большая светловолосая голова закрывала от нее небо.

— Так вот, — медленно произнес он, и глаза его были холодны, как лед. — Я видел только двух добываек — твоего отца и тебя, но я видел сотни, и сотни, и сотни, и сотни...

— Нет, — прошептала Арриэтта.

— ...людей, — и он снова сел.

Арриэтта застыла на месте. На мальчика она не глядела. Немного погодя она сказала еле слышно:

— Я тебе не верю.

— Ну так слушай, — сказал он.

И мальчик рассказал ей о железнодорожных станциях и футбольных матчах, об автогонках, о демонстрациях и о концертных залах. Он рассказал ей про Индию и Китай, Северную Америку и Великобританию. Он рассказал ей про летние ярмарки.

— Не сотни, — сказал он, — а тысячи, миллионы, миллиарды больших, огромных, громадных людей. Теперь веришь?

Арриэтта испуганно глядела на него; она так задрала голову, что у нее заболела шея.

— Не знаю, — прошептала она.

— А что до вас, — продолжал он, опять наклоняясь к ней, — я думаю, на свете больше нет добываек. Я думаю, вы трое — единственные, кто остались в живых, — сказал он.

Арриэтта спрятала лицо в чашечке первоцвета.

— Этого не может быть, — прошептала она. — А дядя Хендрири? А тетя Люпи и двоюродные братцы?

— Все перемерли, спорю на что хочешь, — сказал мальчик. — Мало того, — продолжал он, — мне никто не поверит, что я видел даже тебя. И ты будешь с а м о й последней, потому что ты самая молодая из вас. Наступит день, — торжествуя улыбаясь, сказал он, — когда ты будешь единственной добывайкой на свете.

Он сидел неподвижно, ожидая ответа, но Арриэтта не подняла на него глаз.

— Ну вот, теперь ты ревешь! — заметил он через минуту.

— Они не умерли, — сказала Арриэтта сдавленным голосом; она шарилась в кармане в поисках носового платка. — Они живут в барсучьей норе через два поля отсюда, за рощей. Мы не ходим к ним в гости, потому что это для нас далеко. И нам могут встретиться горностаи, и коровы, и лисы, и... вороны...

— За какой рощей? — спросил мальчик.

— Не знаю! — Арриэтта чуть не кричала. — Туда надо идти вдоль газопровода... по полю, которое называется Паркинс-Бек! — Она высморкалась. — Я пошла домой, — сказала она.

— Не уходи, — попросил мальчик, — побудь еще здесь.

— Нет, пойду, — сказала Арриэтта.

Мальчик покраснел.

— погоди, пока я принесу книжку, — умоляюще произнес он.

— Я не стану читать тебе, — сказала Арриэтта.

— Почему?

Она сердито посмотрела на него.

— Потому...

— Послушай, — сказал он, — я пойду на то поле. Пойду и найду дядюшку Хендрири. И двоюродных братцев. И тетю как-там-ее-зовут. И если они живы, я тебе об этом скажу. Ну, как, хочешь? Ты можешь написать им письмо, и я отнесу его в норку...

Арриэтта взглянула на него, широко открыв глаза.

— Правда? — радостно прошептала она.

— Провались я на этом месте! Можно, я пойду принесу книгу? Я пойду с черного хода.

— Хорошо, — не слушая его, сказала Арриэтта. Глаза ее сияли. — Когда мне отдать тебе письмо?

— Когда хочешь, — сказал мальчик, вставая во весь рост. — Ты где живешь?

— Под... — начала Арриэтта и вдруг замолчала. Почему ее вдруг снова охватил озноб? Только ли из-за его тени, которая загораживает от нее солнце, — ведь он стоит, как башня, у нее над головой. — Я положу его куда-нибудь, — торопливо сказала она. — Я положу его под ковер в холле.

— Под который? Тот, что у входа?

— Да.

И он исчез. А Арриэтта осталась сидеть на солнце, по самые плечи в траве. То, что с ней произошло, было так невероятно, так огромно, что она не могла охватить это мыслью, не могла поверить, что это действительно случилось. Ее не только «увидели» — с ней говорили; с ней не только говорили, она сама...

— Арриэтта! — послышался голос.

Она испуганно вскочила на ноги и обернулась: на дорожке стоял Под и глядел на нее.

— Спускайся вниз, — шепнул он.

Несколько мгновений она глядела на него во все глаза, словно не узнавая; какое круглое у него лицо, какое доброе!

— Быстренько, — повторил он. На этот раз голос его звучал тревожнее, и она послушно юркнула в траву и скользнула вниз по крутому склону, не выпуская цветка из рук.

— Положи эту штуку, — сердито сказал Под, когда Арриэтта, наконец, стояла с ним рядом. — Ты не можешь тащить с собой такой большой цветок. Тебе надо мешок нести. Зачем ты туда забралась? — ворчливо продолжал он, в то время как они шагали по гравию дорожки. — Я бы мог тебя там и не заметить. Надо торопиться, у мамы давно готов чай.

Глава одиннадцатая

Хомили уже поджидала их у последних ворот. Она причесалась и благоухала дегтярным мылом. Она выглядела моложе, чем всегда, и как-то празднично.

— Ну, как?! Ну, как?! — несколько раз повторила она, забирая у Арриэтты мешок и помогая Поду запереть ворота. — Ну, как, понравилось тебе? Ты хорошо себя вела? А вишня расцвела? А куранты играли? — Казалось, она хочет прочитать ответ на лице Арриэтты, но кругом было слишком темно. — Пошли скорее. Чай давно готов. Дай мне руку...

Чай, и правда, был готов, стол накрыт в столовой, в очаге пылал яркий огонь. Какой привычной была эта комната, какой уютной... и вдруг она показалась девочке незнакомой! В отблесках огня возникла строка на стене: «... было бы так чудесно, если бы...». «Если бы что?» — часто спрашивала себя Арриэтта. Если бы наш дом был не таким темным, подумала она, это было бы чудесно. Она смотрела на самодельные свечи, наколотые на перевернутые кнопки, которые Хомили поставила как подсвечники на

стол, на старенький чайник из пустого желудка с носиком из гусяного пера и ручкой из проволоки, — время отполировало его до блеска. Чего только не было на столе! Два поджаренных ломтика каштана, которые они будут есть с маслом, как гренок, и холодный вареный каштан, который Под нарежет, как хлеб; целая тарелка сушеной смородины, как следует набухшей у огня; крошки от булочки с корицей, хрустящие и золотистые, чуть присыпанные сахаром, и — о восторг! — перед каждым из них на тарелке — консервированная креветка. Хомили поставила парадные серебряные тарелки (шиллинги для Арриэтты и себя и полкроны — для Поды).

— Не копайся, Арриэтта, садись за стол, если ты уже вымыла руки! — воскликнула Хомили. — О чем ты замечталась?

Арриэтта пододвинула к столу катушку и медленно опустилась на нее. Она смотрела, как мать берется за носик чайника: это всегда был интересный момент. Более толстый конец пера находился внутри чайника, и, перед тем как наливать, надо было слегка дернуть на себя носик — тогда он крепко закупоривал отверстие и вода не проливалась на стол. Если вода все же просачивалась наружу, надо было дернуть перо посильнее и чуть-чуть повернуть.

— Ну, — сказала Хомили, осторожно наливая кипяток в чашки, — расскажи нам, что ты видела.

— Она не так уж много видела, — сказал Под, отрезая ломтик вареного каштана, чтобы есть с ним креветку.

— Она не видела украшений над камином?

— Нет, мы не заходили в кабинет.

— А как же промокательная бумага, которую я просила?

— Я ее не принес.

— Хорошенькое дело... — начала Хомили.

— Хорошенькое или нет, — сказал Под, методично пережевывая каштан, — а только у меня были «мурашки». Да еще какие!

— Что это такое? — спросила Арриэтта. — Что за «мурашки»?

— На затылке и в пальцах, — сказала Хомили. — Отец чувствует их, когда... — она понизила голос, — когда кто-нибудь поблизости есть.

— О!... — произнесла Арриэтта и съежилась.

— Вот потому-то я и повел ее скорее домой, — сказал Под.

— А там был кто-нибудь? — встревоженно спросила Хомили.

Под сунул в рот большой кусок креветки.

— Наверное, был, хотя я никого не видел.

Хомили перегнулась через стол.

— А у тебя были «мурашки», дочка?

Арриэтта вздрогнула.

— Ах! — воскликнула она. — Разве они у нас у всех есть?

— Да, только в разных местах, — ответила Хомили. — У меня они начинаются у лодыжек и ползут до колен. У моей матушки начинались под подбородком и охватывали всю шею...

— ...и завязывались сзади бантом, — вставил Под с набитым ртом.

— Ну, какой ты, право, — запротестовала Хомили. — Это же факт. Нечего смеяться. У всех Гонгов так. Вроде воротника, — говорила она.

— Жаль, что он ее не задушил, — сказал Под.

— Ах, Под, Под, будь справедлив, у нее были свои хорошие стороны.

— Стороны! — воскликнул Под. — Да с какой стороны ни смотри, хорошего там видно не было.

Арриэтта облизала губы и перевела тревожный взгляд с отца на мать.

— У меня не было никаких «мурашек», — сказала она.

— Ну, — отозвалась Хомили, — может, это была ложная тревога.

— Нет-нет, не лож. . . — начала Арриэтта, но, увидев внимательный материнский взгляд, запнулась, — я хочу сказать, раз у папы они были. . . А вдруг у меня их вообще не будет?

— Ты еще маленькая, — сказала Хомили. — Все в свое время. И «мурашки» тоже у тебя появятся. Становись под скатом на кухне, когда миссис Драйвер разгребает уголь в плите. Стань на табурет или что-нибудь другое, чтобы быть поближе к потолку. Увидишь, как они по тебе поползут. . . Все дело в практике.

После чая, когда Под взялся за сапожную колодку, а Хомили за мытье посуды, Арриэтта бросилась к дневнику. «Я открою его, — подумала она, дрожа от нетерпения, — на любом месте». Дневник раскрылся на девятом и десятом июля. «Поспешешь — людей насмешишь» — гласила надпись за девятое число. А наверху следующей страницы она прочитала: «Куй железо, пока горячо». Эту страничку Арриэтта и вырвала. Перевернув ее, она прочитала изречение, относящееся к одиннадцатому числу: «Нет розы без шипов». «Нет, — подумала она, — уж лучше десятое: «Куй железо, пока горячо», — и, зачеркнув последнюю свою запись («Мама не в духе. . .»), она написала под ней:

10 ИЮЛЯ

«Куй железо, пока горячо»

Дорогой дядя Хендрири, надеюсь, у тебя все в порядке, и у братцев тоже все в порядке, и у тети Люпи. У нас все в порядке, и я уже учусь добывать. Твоя любящая племянница Арриэтта Курант.

Напиши, пожалуйста, мне письмо на обратной стороне бумажки.

— Что ты делаешь, Арриэтта? — окликнула ее из кухни Хомили.

— Пишу дневник.

— А! — коротко отозвалась Хомили.

— Тебе что-нибудь нужно? — спросила Арриэтта.

— Успеется, — ответила Хомили.

Арриэтта сложила письмо и аккуратно засунула его между страниц «Географического справочника Мальчика с пальчик», а в дневнике записала: «Ходила добывать. Написала д. Х. Разговаривала с М.». После чего села у очага и, уставившись в огонь, принялась думать. . .

Глава двенадцатая

о одно дело было написать письмо и совсем другое — засунуть его под дверной коврик. В течение нескольких дней Под нельзя было уговорить подняться наверх, он с головой ушел в ежегодную генеральную уборку кладовых — чинил пергородки, мастерил новые полки. Обычно Арриэтта очень любила эти весенние чистки, когда они разбирали свои запасы, извлекали на свет полузабытые сокровища и находили новое применение старым вещам. Она с наслаждением перебирала лоскутки шелка, разрозненные лайковые перчатки, огрызки карандашей, ржавые лезвия, шпильки и иголки, высохшие винные ягоды, орешки фундук, покрытые белым налетом кусочки шоколада и ярко-красные палочки сургуча. Однажды Под смастерил ей щетку для волос из зубной щетки, а Хомили сшила шаровары из двух пальцев от шерстяной перчатки, «чтобы могла ходить утром гулять». Там были десятки трубочек цветного шелка и катушек с бумажными нитками, и маленьких клубочков шерсти всех цветов, металлические перья для ручек, которые Хомили использовала как совки для муки, и огромное количество бутылочных пробок.

Но на этот раз Арриэтта нетерпеливо бродила вокруг и — когда только могла — подходила к решетке посмотреть, не появился ли мальчик. Она теперь всегда держала письмо при себе, засунув под кофточку, и листок уже обтрепался по краям. Один раз мальчик пробежал мимо; она видела его ноги в шерстяных чулках; он издавал горлом звуки, похожие на пытенье какой-то машины, и, завернув за угол, испустил пронзительное «У-у-у-у-у!.. У-у!..» (паровозный гудок, как он потом ей объяснил), поэтому и не услышал, как она его позвала. Как-то вечером Арриэтта выскользнула из дома и прокралась к первым воротам, но как она ни раскачивалась на булавке, отстегнуть ее не смогла.

Каждый раз, подметая столовую, Хомили ворчала по поводу промокашки.

— Я понимаю, что надо забираться на стул и на портбёры, — говорила она Поду, — но сколько времени уйдет, чтобы добыть с секретера кусок промокашки? Четверть часа, не больше, особенно если ты прихватишь шляпную булавку с тесьмой. . . Поглядеть на наш пол, так можно подумать, что мы живем в мышиной норе. Никто не может упрекнуть меня, что я чересчур запасливая хозяйка, — продолжала Хомили. — Где уж мне, не из такой я семьи, но я люблю, чтобы в доме было уютно.

И вот на четвертый день Под сдался. Он положил молоток (молоточек-язычок от электрического звонка) и сказал Арриэтте:

— Пошли. . .

Как она рада была увидеть наконец кабинет — дверь, к счастью, стояла настежь, — как интересно, усевшись на толстом ковре посреди комнаты, рассматривать камин, и каминную доску, и знаменитые украшения над ней — все эти полочки, и колонки с капителями, и пилястры, и фронтоны! Так вот где они жили, подумала Арриэтта, эти любители удовольствий, веселые и гордые, которые ни с кем не водили знакомства! Она представила себе Надкаминных — женщин с осиными талиями и взбитыми волосами, как носили при короле Эдуарде, — представила, как беззаботно

скользили они вниз по пилястрам, смеющиеся, легкие, проворные, как любовались собой во вделанное над камином зеркало, где отражались нарядные табакерки, и граненые графины, и полки с книгами, и стол, покрытый плюшевой скатертью. Она видела в воображении Надкаминных-мужчин — светловолосых, с длинными усами и нервными тонкими пальцами. Они курили, и пили вино, и рассказывали друг другу остроумные истории. Значит, Хомили никогда не приглашали к ним наверх! Бедняжка Хомили с длинным носом и всегда растрепанными волосами. . . Они бы взглянули на нее холодно своими улыбающимися глазами, — подумала Арриэтта, — усмехнулись и, напевая про себя, отвернулись бы в другую сторону. Они ели только то, что подавали на завтрак: гренки, яйца, сыр, колбасу и хрустящий поджаренный бекон, — пили крошечными глоточками кофе и чай. «Где они сейчас? — подумала Арриэтта. — Куда могли переселиться такие существа? . . .»

Под подкинул булавку так, что она вонзилась в мягкое сиденье стула, и в тот же миг уже поднимался по ножке, откинувшись всем телом назад и перебирая тесьму руками. Затем, вытянув булавку из сиденья, вновь кинул ее, как дротик, высоко над головой в собранную складками ткань портьеры. «Пора!» — подумала Арриэтта и, нащупав под кофточкой драгоценное письмо, выскользнула из комнаты. В холле оказалось темнее, чем в первый раз, потому что дверь была закрыта, и когда Арриэтта бежала к коврику для ног, сердце громко билось у нее в груди. Коврик был тяжелый, но она подняла один угол и подпихнула туда письмо ногой. «Ну, вот!» — сказала она и огляделась. Вокруг были одни тени. Тени и громкое тиканье часов. Она поглядела через огромную равнину пола туда, где вдалеке поднималась ввысь огромная лестница. «Еще один мир поверх этого мира, — подумала она, — мир над миром», — и ее пронизала дрожь.

— Арриэтта, — тихо позвал Под, и она успела вбежать в комнату как раз вовремя, чтобы увидеть, как он, подтягиваясь по тесьме, быстро поднялся по портьере и повис чуть повыше секретера, затем легко спрыгнул на откидную доску, широко расставив ноги, и намотал несколько витков тесьмы себе на талию на всякий случай. — Я хотел, чтобы ты посмотрела, как это делается, — сказал Под, переводя дух. Когда он столкнул промокательную бумагу вниз, она легко поплыла по воздуху и наконец опустилась на пол в нескольких шагах — человеческих шагах — от секретера, свежая, ярко-розовая на выцветшем ковре. . .

— Начинай скатывать, — шепнул Под, — я сейчас спущусь

И Арриэтта, став на колени, принялась скатывать промокашку, пока рулон не сделался слишком тугим и тяжелым для нее. Под быстро скатал его до конца и перевязал тесьмой, затем заколол тесьму булавкой. Взяв тяжелый рулон с двух концов, они понесли его, как маляры несли бы стремянку, под куранты и дальше, вниз и вперед. . .

Хомили даже не поблагодарила их, когда, тяжело дыша, они опустили рулон на пол перед дверью в столовую. У нее был испуганный вид.

— Ну, наконец-то! — сказала она. — Слава богу! В доме опять этот мальчик. Я только что слышала, как миссис Драйвер говорила о нем Крэмпфирлу.

— О! . . . — воскликнула Арриэтта. — Что она говорила?

Хомили внимательно взглянула на нее. Арриэтта побледнела, она только сейчас поняла, что нужно было спросить: «Какой мальчик?» — но сказанного не воротишь.

— Ничего особенно страшного, — ответила Хомили, желая успокоить ее. — Просто я узнала, что он еще в доме. Ничего особенного. Миссис Драйвер сказала, что если он еще раз перевернет все ковры в холле, она отшлепает его туфлей.

— Перевернет ковры в холле? — эхом повторила за ней Арриэтта.

— Да. Она сказала Крэмпфирлу, что он три дня подряд переворачивает ковры в холле. Она сразу заметила это, сказала она, по тому, как они лежат. Вот эти ее слова про холл и встревожили меня, потому что ты и отец. . . Что с тобой, Арриэтта? . . Ты так побледнела. . . Ну, полно, помоги передвинуть мебель, и мы постелим новый ковер.

«Ах, — грустно думала Арриэтта, помогая матери вынимать вещи из спичечного комода, — три дня подряд он искал мое письмо и ничего не находил. Он, наверно, и надежду потерял. . . и больше не посмотрит».

В тот вечер она чуть ли не час подряд стояла на табурете под откосом, делая вид, что практикуется на «мурашки», а на самом деле слушая разговор миссис Драйвер с Крэмпфирлом. Она узнала, что ноги миссис Драйвер замучили ее до смерти, и жалко, что она не заявила об уходе еще прошлой весной, и не выпьет ли Крэмпфирл еще глоточек, все равно в погребке вина больше, чем Ей выпить до конца Ее дней, и если кто-нибудь воображает, что миссис Драйвер будет мыть окна на втором этаже, так он сильно ошибается. . . Но на третий вечер, не успела Арриэтта слезть с табуретки, чтобы не упасть от усталости, как услышала голос Крэмпфирла:

— Если хотите знать, что я думаю, так я думаю, что он завел хорька.

И Арриэтта быстренько забралась снова на табурет и затаила дыхание.

— Хорька! — пронзительно вскрикнула миссис Драйвер. — Хорошенькое дело! Где же он его держит?

— Этого я не скажу, — отвечал ей Крэмпфирл низким, рокочущим басом. — Я одно знаю: он бродил по полям за Паркинс-Бек, все склоны облазал и вроде бы звал кого-то из кроличьих норок.

— В жизни такого не слыхивала! — сказала миссис Драйвер. — Дайте ваш стакан.

— Самую малость, — сказал Крэмпфирл. — Хватит. На печень действует. . . слишком сладко. . . это вам не пиво, тут и спору нет. Да, — продолжал он, — когда он увидел, что я иду с ружьем, он притворился, будто вырезает себе палку. Но я-то его уже давно заприметил и слышал, как он кричал. Носом прямо в кроличью норку. Провалился я на этом месте, если он не завел хорька! — Послышался глоток. — Да, — сказал он наконец, и Арриэтта услышала, как он поставил стакан на стол, — хорька, по имени какой-то дядя.

Арриэтта невольно дернулась всем телом, секунду удерживала равновесие, размахивая руками, и упала с табурета. Табурет с грохотом откатился к стене, ударился о комод и перевернулся.

— Что это? — спросил Крэмпфирл.

Наверху наступила тишина; Арриэтта затаила дыхание.

— Я ничего не слышала, — сказала миссис Драйвер.

— Вроде бы где-то там, под полом, возле плиты.

— Ничего страшного, — сказала миссис Драйвер. — Это угли падают.

Часто бывает. Другой раз даже вздрогнешь, когда сидишь тут одна... Ну-ка, передайте мне ваш стакан, осталась самая малость... чего уж тут, надо кончать...

«Они пьют добрую старую мадеру», — подумала Арриэтта и, осторожно подняв табурет, стала рядом, глядя вверх. Сквозь трещину в потолке ей был виден свет, исчезающий время от времени, когда заслоняли свечу.

— Да, — продолжал Крэмпфирл, возвращаясь к своему рассказу, — и когда я подошел к нему с ружьем, он и говорит мне с таким невинным видом, верно, чтобы сбить со следа: «Тут нет где-нибудь поблизости барсучьей норы?».

— Хитрюга! — сказала миссис Драйвер. — Чего только не придумают эти мальчишки!.. Барсучья нора!.. — И она засмеялась своим скрипучим смехом.

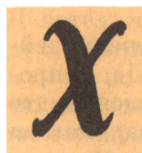
— У нас тут, и правда, была раньше барсучья нора, — продолжал Крэмпфирл, — но когда я показал ему, где ее искать, он, вроде, и внимания не обратил. Просто стоял и ждал, когда я уйду. «Ну что ж, посмотрим еще, чья возьмет», — подумал я и сел на землю. Так мы и сидели — он и я.

— Ну и что дальше?

— Пришлось ему в конце концов уйти. И хорька оставить. Я еще подождал, но хорек так и не вылез. Я уж во все глаза глядел... и свистел. Жаль, не расслышал я, как он его звал. Вроде какой-то дядюшка... — Арриэтта услышала резкий скрип стула. — Пойду-ка я, — сказал Крэмпфирл, — запру кур.

Хлопнула кухонная дверь, и над головой вдруг послышался грохот — это миссис Драйвер ворошила угли в плите. Арриэтта тихонько поставила табурет на место и пошла на цыпочках в столовую, где нашла одну мать.

Глава тринадцатая

Хомили гладила, низко склонившись над гладильной доской, с грохотом ставя утюг на подставку и то и дело откидывая волосы с глаз. По всей комнате на французских булавах, которые Хомили приспособила под «плечики», висело выстиранное белье.

— Что там случилось? — спросила Хомили. — Ты упала?

— Да, — ответила Арриэтта, тихонько садясь на свое место у очага.

— Ну, как «мурашки»? Уже появляются?

— Не знаю, — сказала Арриэтта. Она обхватила руками колени и положила на них подбородок.

— Где твоё вязанье? — спросила Хомили. — Что с тобой делается последнее время? Ума не приложу! Все время бить баклуши... Может, тебе нездоровится?

— Ах! — воскликнула Арриэтта. — Оставь меня в покое!

И на этот раз — в кои-то веки! — Хомили ничего больше не сказала. «Это весна, — подумала она, — со мной тоже иногда так бывало в ее годы».

«Мне нужно увидеть мальчика, — думала Арриэтта, уставившись невидящими глазами в огонь. — Я должна узнать, что случилось. Я должна услышать, все ли у них в порядке. Я не хочу, чтобы мы вымирали. Я не хочу быть последней из добываек. Я не хочу... — здесь Арриэтта совсем уткнулась лицом в колени, — всю жизнь жить вот так... в темноте... под полом...»

— Без толку готовить ужин, — сказала Хомили, нарушая тишину, — отец отправился в Ее комнату. А тебе известно, что это значит.

Арриэтта подняла голову.

— Нет, — сказала она, едва слушая. — А что это значит?

— А то, — сердито ответила Хомили, — что он вернется часа через полтора, а то и позже. Он любит бывать у Нее, болтать с Ней о том, о сем, рассматривать вещи на Ее туалетном столе. И это не опасно, когда мальчишка уже ушел спать. Отцу не нужно ничего определенного, — продолжала она, — все дело в новых полках, которые он смастерил. Говорит, они выглядят слишком уж пустыми, может, он добудет для них какую-нибудь мелочишку...

Арриэтта вдруг села прямо, вытянулась в струнку: ее неожиданно пронзила мысль, да такая, что перехватило дыхание и задрожали колени. «Часа полтора, а то и больше», — сказала мама... И все это время ворота будут открыты!

— Ты куда? — спросила Хомили, когда Арриэтта пошла к дверям.

— В кладовые, — сказала Арриэтта, прикрывая свечу рукой от сквозняка. — Я недолго.

— Не разбросай там ничего! — крикнула вдогонку Хомили. — И осторожнее с огнем!

Идя по проходу, Арриэтта подумала: «Я не говорила неправды. Я иду в кладовые... поискать шляпную булавку. А если я найду булавку (и кусок бечевки... тесьмы там, я знаю, нет), я все равно буду «недолго», ведь мне надо вернуться раньше папы. И я делаю это ради них, — упрямо сказала она себе, — и когда-нибудь они еще скажут мне спасибо». Но все равно ее не покидало смутное чувство вины. «Хитрюга» — вот как назвала бы ее миссис Драйвер.

Арриэтта нашла шляпную булавку с перекладиной наверху и привязала к ней бечевку, крепко-накрепко обмотав вокруг перекладины восьмеркой, затем увенчала свои труды, запечатав узел сургучом.

Ворота были открыты; добравшись до последних ворот, под курантами, Арриэтта поставила свечу посреди прохода, где та не могла причинить никакого вреда.

В большом холле было полутемно, повсюду протянулись огромные тени, под привернутым газовым рожком парадной двери лежал круг света, еще один рожок еле мерцал на лестничной площадке на полпути наверх. Потолок уходил далеко в высоту и мрак, вокруг было необозримое пространство. Арриэтта знала, что детская находится в конце коридора на втором этаже и мальчик уже в постели, — мама только что упомянула об этом.

Арриэтта наблюдала, как отец закидывает булавку на стул, по сравнению с этим взобраться на ступеньки было легче. Мало-помалу в ее движениях появился какой-то ритм: бросок, подъем, снова бросок... Металлические прутья, придерживающие дорожку, холодно поблескивали в темноте, но сама дорожка была мягкая и теплая, на нее так приятно было прыгать.

На площадке Арриэтта немного посидела, чтобы отдышаться. Полумрак не пугал ее, она всю жизнь прожила в полумраке, она чувствовала себя в нем как дома, а сейчас темнота даже служила ей защитой.

Поднявшись на верхнюю площадку, Арриэтта увидела распахнутую дверь, из которой на пол падал золотой квадрат света, словно перегораживая коридор. «Придется пройти здесь, выхода нет», — сказала, подбадривая себя, Арриэтта. Из комнаты доносился монотонный голос.

— Эта кобыла, — говорил голос, — была трехлетка, которая принадлежала моему брату... не старшему брату, а тому, что жил в Ирландии, — младшему, которому принадлежали «Старый Друг» и «Милочка». Он несколько раз включал ее в скачки по пересеченной местности... но, когда я говорю «несколько раз», я имею в виду три... во всяком случае, не меньше, чем два... раза. Ты видел когда-нибудь ирландские скачки по пересеченной местности?

— Нет, — ответил другой голос; он звучал немного рассеянно.

«Это отец, — внезапно поняла Арриэтта, и сердце подпрыгнуло у нее в груди. — Он разговаривает с тетей Софи, вернее, тетя Софи разговаривает с ним». Она крепко схватила булавку с болтающейся веревочной петлей и побежала через освещенное место в темноту коридора. Пробегая мимо распахнутой двери, Арриэтта увидела мельком горящий камин, лампу под абажуром, поблескивающую мебель и темно-красные парчовые портьеры.

В конце коридора виднелась полуоткрытая дверь. «Это классная комната, — подумала Арриэтта, — а за ней — детская, где спит мальчик».

— Между английскими и ирландскими скачками, — продолжал голос, — есть разница, и немалая. Например...

Арриэтте нравился голос тети Софи. Ровный, спокойный, он звучал так же успокаивающе, как часы в холле внизу, и, спускаясь с ковра на узкую полоску дерева возле плинтуса, Арриэтта с интересом услышала, что в Ирландии между полями каменные стенки, а не живая изгородь. Здесь, вдоль плинтуса, Арриэтта могла бежать, а она любила бегать. По ковру не побежишь, в нем тонут ноги, приходится идти медленно. Деревянные доски были гладкие и пахли воском. Арриэтте понравился их запах.

Мебель в классной комнате, куда она наконец добралась, была прикрыта от пыли чехлами. Здесь тоже горел газовый рожок; горелка была повернута, виднелся только синеватый язычок пламени. На полу лежал изрядно вытертый линолеум, на стенах висели вылинявшие ковры. Комната была полна всякой рухляди. Под столом темнела большая пещера. Арриэтта вошла в нее, ощупью пробралась вперед и наткнулась на пыльную кожаную подушку, раза в полтора выше нее. Арриэтта вновь вышла в полуосвещенную комнату и, подняв глаза, увидела угловой шкафчик с кукольным сервизом, картину над камином и плюшевую портьеру с бомбошками, где мальчик «увидел» ее отца. Повсюду по сторонам вздымались ножки стульев, сиденья стульев заслоняли ей все вокруг. Арриэтта пробралась между ними к двери в детскую и там внезапно увидела в дальнем углу кровать и на ней мальчика. Она увидела его большое лицо (на краю подушки), обращенное к ней, свет рожка, отраженного в его открытых глазах; руку, крепко схватившую угол одеяла и прижавшую его к губам.

Арриэтта остановилась. Немного спустя, заметив, что пальцы его разжались, она тихо промолвила:

— Не бойся... Это я, Арриэтта.

Он отпустил одеяло и сказал:

— Арри... что? — голос его звучал сердито.

— ...этта, — мягко повторила она. — Ты взял письмо?

С минуту он молча смотрел на нее, затем спросил:

— Ты зачем это вползла потихоньку ко мне в комнату?

— Я не вползла. Я вбежала. Ты разве не видел?

Он снова помолчал, пристально глядя на нее широко раскрытыми глазами.

— Когда я принес книгу, — сказал он наконец, — тебя не было.

— Я должна была уйти. Чай уже был готов, и папа позвал меня.

Это он понял.

— А-а, — деловито сказал он и больше ее не упрекал.

— Ты взял письмо? — снова спросила она.

— Да, — ответил он. — Мне пришлось два раза туда ходить. Я засунул его в барсучью нору...

Внезапно он откинул одеяло и встал на постели, огромная гора в светлой фланелевой рубашке. Теперь наступил черед Арриэтты испугаться. Не сводя с него глаз, она начала медленно пятиться к двери. Но он на нее не глядел, он шарил рукой за картиной.

— Вот! — сказал он и снова сел; громко заскрипели пружины.

— Но я не хочу брать его обратно! — воскликнула Арриэтта, опять подходя поближе. — Надо было его там оставить! Почему ты принес его назад?

Мальчик повернул письмо другой стороной.

— Он написал здесь ответ.

— Ах! — взволнованно воскликнула Арриэтта. — Покажи мне. Пожалуйста!

Она подбежала к постели и потянула за край свисавшей простыни.

— Значит, они все живы! Ты его видел?

— Нет, — сказал мальчик. — Письмо лежало там, где я его оставил. — Он наклонился к Арриэтте. — Но он написал ответ. Взгляни!

Арриэтта молнией метнулась к нему; она выхватила письмо из его огромных пальцев и тут же отбежала, чтобы он не мог до нее достать. Затем кинулась к дверям классной комнаты, где все же было немного светлей.

— Интересно, чем это он писал? — сказала она себе, поднося письмо к самым глазам. — И все заглавными буквами... Ты не сам написал его? — спросила она вдруг, оборачиваясь к мальчику.

— Конечно, нет, — сказал он, — я пишу строчными...

Но она уже увидела по его лицу, что он не лжет, и принялась по буквам разбирать послание: «С-ка-жи тв-твой... — она взглянула на мальчика. — «Твой»? — повторила она».

— Да, — сказал он, — «твой».

«Скажи твой т-я... ты... ты, тате?» Моему тате? — Но мальчик лишь выжидающе смотрел на нее. — «Тате Люп...» О, тете Люпи! — воскликнула она. — Он говорит... послушай, вот что он говорит: «Скажи своей тете Люпи вернуться домой».

Наступило молчание.

— Ну и скажи ей! — произнес мальчик через минуту.

— Но ее здесь нет! — воскликнула Арриэтта. — И не было. Я уже забыла, на что она и похожа!

— Берегись! — сказал мальчик. — Сюда кто-то идет.

Арриэтта обернулась, но было поздно прятаться: перед ней стоял Под: в одной руке мешок, в другой — булавка. Он стоял на пороге классной комнаты, его силуэт четко вырисовывался на фоне освещенного коридора, перед ним на полу лежала его крохотная тень. Он увидел ее.

— Я слышал твой голос, — сказал Под, и спокойствие, с которым он это произнес, показалось ей страшнее всего на свете, — когда выходил из Ее комнаты.

Арриэтта, не опуская глаз, глядела на отца и глубже запихивала письмо под кофточку. Видно ему или нет, что там за ней, в темноте? Видно или нет огромную фигуру, закутавшуюся в одеяло?

— Пошли домой, — сказал Под и повернул обратно.

11 ИЮЛЯ

«Нет розы без шипов»

СКАЖИ ТВОЙ ТЯТЕ ЛУПИ ВЕРНАТЬСЯ ДОМОЙ

Глава четырнадцатая

Под не раскрыл рта, пока они не оказались дома. И ни разу не взглянул на нее. Арриэтте приходилось пробираться позади него как она могла. Он не обращал внимания на ее попытки помочь ему запереть ворота, но когда она вдруг споткнулась и упала, он стоял, пока она не поднялась и не отряхнула колени, глядя на нее без всякого, казалось ей, интереса.

Ужин ждал их на столе, Хомили отложила гладку и выбежала из комнаты им навстречу; на ее лице было написано удивление, она никак не ожидала увидеть их вместе.

Под скинул на пол мешок и поглядел на жену.

— Что случилось? — произнесла тревожно Хомили, переводя взгляд с мужа на дочь.

— Она была в детской, — тихо сказал Под, — разговаривала с мальчишкой!

Хомили наклонилась вперед, судорожно стиснув руки поверх передника, глаза ее испуганно забегали по сторонам.

— Ой, — простонала она.

Под сел. Провел усталой рукой по глазам и лбу; лицо его выглядело тяжелым и бледным, как кусок теста.

— Что теперь? — сказал он.

Хомили стояла, не трогаясь с места, согнувшись, стиснув руки и не сводя глаз с Арриэтты.

— Как ты могла... — прошептала она.

«Они напуганы, — подумала вдруг Арриэтта, — они вовсе не сердятся... они очень, очень напуганы». Она сделала шаг вперед.

— Все в порядке... — начала она.

Хомили вдруг опустилась на катушку; она начала дрожать.

— О! — простонала она. — Что нам делать?!

И Хомили принялась тихонько раскачиваться, вперед-назад, вперед-назад.

— Mamочка, не надо, — взмолилась Арриэтта. — Все не так уж плохо, как тебе кажется. Право, не так.

Она пошарила на груди под кофтой. Сперва она не могла нащупать письмо, оно соскользнуло за спину, но наконец вытащила его, правда, очень измятое.

— Погляди, — сказала она, — это письмо от дяди Хендрири. Я ему написала, и мальчик отнес письмо, и...

— Ты ему написала! — раздался приглушенный крик Хомили. — О-о, — простонала она и закрыла глаза. — Что теперь будет? Что нам делать? Что нам делать? — И она принялась обмахиваться своей костлявой, но сейчас словно совсем мягкой рукой.

— Принеси матери воды, Арриэтта, — резко сказал Под.

Арриэтта принесла воду в скорлупе от ореха; острый кончик скорлупы был отпилен, и она была похожа на бокал для коньяка.

— Как тебе пришло в голову, Арриэтта, сделать такую вещь? — спросила Хомили немного спокойнее и поставила пустую чашку на стол. — Что на тебя нашло?

И вот Арриэтта рассказала им о том, как ее «увидели» — в то первое утро, под вишней. А она решила им об этом не говорить, чтобы зря их не волновать. И как мальчик сказал, что они «вымирают». И как не просто важно, а жизненно, неотложно важно было выяснить, что семейство дяди Хендрири цело и невредимо.

— Ну поймите, пожалуйста, поймите, — молила их Арриэтта, — я старалась спасти нас всех от вымирания!

— Ну и слова она употребляет! — не без гордости сказала Хомили Поду, конечно, потихоньку от Арриэтты.

Но Под не слушал ее.

— Спасти нас! — сурово повторил он. — Вот как раз такие, как ты, дочка, которые делают все с бухты-барахты, без всякого уважения к традициям, и погубят нас всех раз и навсегда. Неужели ты не понимаешь, что ты натворила?

Арриэтта встретила его укоризненный взгляд.

— Да, — запинаясь, проговорила она, — я... я... написала письмо единственным из добываек, кто остался в этих краях, и получила ответ. И теперь, — храбро продолжала она, — мы можем держаться все вместе...

— Держаться вместе! — сердито повторил Под. — Неужели ты думаешь, что Хендрири и его семейство вернутся и станут жить здесь? Или что мать переселится в барсучью нору за два поля отсюда, чтобы жить на открытом воздухе... без горячей воды...

— Никогда! — вскричала Хомили громким голосом, таким громким, что они оба обернулись и посмотрели на нее.

— Или воображаешь, что мать отправится через два поля и сад, — продолжал Под, — где полно ворон, и коров, и лошадей, и чего-чего там еще нет, чтобы выпить чашечку чая с твоей тетей Люпи, которую и раньше-то не очень жаловала? Погоди, — сказал он, увидев, что Арриэтта хочет его прервать, — но дело даже не в этом... дело совсем в другом, — он наклонился к ней, и в голосе его послышалась необычайная серьезность, — в том, что теперь мальчишка знает, где мы живем!

— Нет, не знает, — сказала Арриэтта. — Я ему не говорила. Я...

— Ты рассказала ему, — прервал ее Под, — о том, как в кухне лопнул котел и нас залило горячей водой, ты рассказала, как все наши пожитки снесло к решетке... — Он снова сел, сердито глядя на нее. — Тут только надо немного подумать, и сразу догадаешься, — сказал он. Арриэтта промолчала, и Под продолжал: — Такого еще никогда не случалось, никогда, за всю долгую историю добываек. Их «видели» — да, их ловили — возможно, но ни один человек никогда не знал, где мы живем. Мы в очень большой опасности, Арриэтта, и навлекла ее на нас ты. И это факт!

— Ах, Под, — жалобно сказала Хомили. — Не пугай ребенка!

— Да, Хомили, — сказал Под мягче, — бедная моя старушка! Я никого не хочу пугать, но дело серьезное. Представь, я бы сказал тебе: собирайся, укладывай пожитки, нам надо сегодня же выбираться отсюда... Куда бы ты пошла?

— Только не к Хендрири, Под! — вскричала Хомили. — Только не туда! Я ни за что не уживусь в одной кухне с Люпи...

— Верно, — согласился Под, — не к Хендрири. И знаешь, почему? Потому что, где он живет, мальчишка тоже знает!

— Ах, ах! — запричитала Хомили, окончательно впадая в отчаяние.

— Да, — продолжал Под, — парочка шустрых терьеров или хорошо натасканный хорек — и всему семейству Хендрири конец!

— Ах, Под! — воскликнула Хомили и снова задрожала. Мысль о том, что ей придется жить в старой барсучьей норе, была достаточно ужасна, но мысль о том, что даже там им нельзя укрыться, оказалась ужаснее во сто крат. — А я, пожалуй, сумела бы там в конце концов неплохо устроиться, — сказала она, — конечно, если бы мы жили отдельно от Люпи...

— Ну, теперь бесполезно об этом думать, — сказал Под и обернулся к Арриэтте. — Что пишет дядя Хендрири в этом письме?

— Да! — воскликнула Хомили. — Где его письмо?

— Из него не очень-то много узнаешь, — сказала Арриэтта, передавая им бумажку, — тут написано только: «Скажи своей тете Люпи, чтобы она вернулась домой».

— Что?! — воскликнула Хомили, глядя на перевернутое «вверх ногами» письмо. — «Вернулась домой»? Что он хочет сказать этим?

— Видно, то, что Люпи отправилась к нам и с тех пор не возвращалась.

— Отправилась к нам? — повторила Хомили. — Но когда?

— Откуда мне знать, — сказал Под.

— Тут об этом не говорится, — сказала Арриэтта.

— Но это могло быть много недель назад.

— Вполне, — сказал Под. — Во всяком случае, достаточно давно, раз он захотел, чтобы она вернулась.

— Ах! — воскликнула Хомили. — А как же бедные малютки?

— Ну, малютки за эти годы порядочно подросли, — сказал Под.

— Верно, с ней что-нибудь случилось! — сказала Хомили.

— Да, ты права, — согласился Под. Он обернулся к Арриэтте. — Видишь, что я имел в виду, девочка, когда говорил об этих полях?

— О Под, — сказала Хомили, и глаза ее наполнились слезами, — верно, никто из нас никогда больше не увидит бедную Люпи. . .

— Кто-нибудь, может, и увидит, но не мы, — ответил Под.

— Под, — сказала Хомили серьезно, — я боюсь. Столько всего сразу случилось. Что нам делать?

— Ну, сегодня мы ничего уже не сделаем, — ответил Под. — Это точно. Можем только поужинать и лечь спать, — он встал.

— Ах, Арриэтта, — разрыдалась вдруг Хомили. — Гадкая, непослушная девочка! Как ты могла?! Как ты могла разговаривать с человеком. . . Если бы ты не. . .

— Меня «увидели», — сказала Арриэтта. — Я не виновата, что меня «увидели». Папу тоже «увидели». И дядю Хендрири. И я вовсе не считаю, что все так ужасно, как вы говорите. Я не считаю, что люди такие уж плохие. . .

— Они плохие и хорошие, — сказал Под, — честные и обманщики — как придется. Если бы животные могли говорить, они сказали бы тебе то же самое. Держись от них подальше — вот что мне всегда твердили. Неважно, что они тебе обещают.

Глава пятнадцатая

В ту ночь, пока Арриэтта тихонько лежала, вытянувшись на постели под раскрашенным потолком, Под и Хомили проговорили до самого утра. Они говорили в столовой, они говорили в кухне, а позже — гораздо позже — она услышала их голоса из спальни. Она слышала, как открывались и закрывались ящики, как скрипели двери, как выдвигались коробки из-под кроватей. «Что они там делают? — с удивлением думала она. — И что будет дальше?» Она лежала в своей мягкой постели тихо-тихо, и рядом были ее любимые вещи: марка с видом гавани Рио-де-Жанейро, серебряный поросенок, бывший раньше брелком, бирюзовое кольцо, которое она иногда, просто ради шутки, надевала на голову как корону, и — самые дорогие ее сердцу — прекрасные дамы с золотыми трубами, плывущие по потолку над мирным белым городком. Лежа вот так тихо и неподвижно в постели, Арриэтта вдруг поняла, что, конечно, она не хочет все это потерять, но и другого она терять тоже не хочет; и приключения, и безопасность — вот чего ей надо. А этого-то (говорили ей безуданный шепот и возня за стеной) иметь и невозможно.

Но на самом деле Хомили просто не сиделось на месте от беспокойства, и она бесцельно выдвигала ящики и вновь их задвигала, чтобы унять тревогу. Кончила она тем, что решила, когда Под наконец лег, накрутить волосы на папильотки.

— Право, Хомили, — устало запротестовал Под (он уже был в ночной рубашке), — ни к чему это. Ну кто тебя увидит?

— То-то и оно! — воскликнула Хомили, разыскивая в комоде папилютки. — Кто знает, что может случиться? Я не хочу, — добавила она, переворачивая вверх дном ящик и поднимая с полу его содержимое, — чтобы меня застали непричесанной.

Наконец она тоже легла, и Под со вздохом перевернулся на другой бок и закрыл глаза.

Хомили еще долго лежала, уставясь на керосиновую лампу; это была серебряная крышечка от духов с крошечным фитильком, плавающим в керосине. Она и сама не могла бы объяснить, почему ей так не хотелось тушить огонь. Наверху, в кухне, кто-то двигался, а обычно в это время там было тихо — весь дом спал, — да еще папилютки давили ей на затылок. Она глядела — в точности так же, как Арриэтта, — на знакомую до мелочей комнату (чересчур заставленную, теперь она это видела, ящиками, и коробками, и самодельными шкафами) и думала: «Что нас ждёт? Может быть, еще ничего и не случится; возможно, девочка права и мы подняли весь этот шум из-за чепухи; мальчишка, в конце концов, здесь только гость; возможно, — сонно думала Хомили, — он скоро уедет, и все».

Должно быть, она все же задремала (как она потом поняла), потому что ей привиделось, что она пересекает Паркинс-Бек; была ночь, дул сильный ветер, и поле поднималось перед ней крутой горой; она карабкалась вверх вдоль живой изгороди рядом с газопроводом, ноги ее скользили в мокрой траве, то и дело она спотыкалась и падала. Деревья с шумом раскачивались во все стороны, ветви их метались на фоне неба. А затем (как она рассказывала много позднее) послышался треск, словно деревья раскалывались в щепы...

И Хомили проснулась. Она огляделась: все было на своем месте, лампа по-прежнему горела, и все же, она сразу это почувствовала, что-то было не так: был сильный сквозняк, горло у нее пересохло, на зубах скрипел песок. Она взглянула наверх.

— Под! — закричала Хомили пронзительно и уцепилась за его плечо.

Под перевернулся на другой бок и сел. Они оба глядели на потолок: один край его отделился от стенки, и весь потолок поднялся под острым углом — вот откуда шел сквозняк, — а в отверстии, в каком-нибудь дюйме от изголовья кровати — торчал странный предмет: огромный серый стальной брус с плоским сверкающим концом.

— Это отвертка, — сказал Под.

Они глядели на нее во все глаза, как замороженные, не в силах двинуться с места, и несколько мгновений серый брус тоже оставался неподвижным. Затем медленно-медленно он качнулся вверх, и острый край прижался к потолку. Хомили услышала скрип наверху и короткий вздох.

— Ой, колени, — закричала Хомили, — ой, мурашки!

И тут с треском крыша их дома вся целиком отлетела прочь и упала где-то, где — им не было видно.

Хомили завопила во все горло, это был настоящий, полновесный вопль, громкий и пронзительный, она вопила от всей души, казалось, крик успокаивает ее, она обретает в нем равновесие; глаза ее — не без любопытства — смотрели вверх, в освещенную пустоту. Там, поняла она, высоко-высоко над ними, казалось, выше неба, был еще один потолок, с него

свисал копченый окорок и две вязки лука. В дверях появилась Арриэтта; дрожа от холода и страха, она крепко вцепилась в свою ночную рубашку. Под шлепнул Хомили по спине.

— Кончай, — сказал он, — хватит. — И она вдруг замолкла.

И тут между ними и тем далеким-далеким потолком возникло огромное лицо. Оно качалось над ними, улыбающееся, страшное в наступившей тишине.

— Это твоя мама? — спросил через секунду удивленный голос, и Арриэтта шепнула от двери:

— Да.

Это был мальчик.

Под вылез из кровати и стал рядом, дрожа от холода в одной ночной рубашке.

— Вставай, — сказал он Хомили, — не можешь же ты оставаться в постели.

Еще как могла! На Хомили была старая ночная рубашка с заплатой на спине, и ничто на свете не заставило бы ее двинуться с места. В груди ее закипал гнев: ее застали врасплох, с папилютками на голове, и она вдруг вспомнила, что вчера из-за всей этой сумятицы впервые в жизни не вымыла посуду после ужина и та стоит грязная в кухне на столе всем на обозрение. Хомили сердито уставилась на мальчика — в конце концов, он был всего лишь ребенок.

— Положи крышу на место! — сказала она. — Немедленно! — Глаза ее метали молнии, папилютки тряслись.

Мальчик стал на колени, но и тогда, когда его большое лицо совсем близко наклонилось к ней, она не отступила. Она увидела его нижнюю губу — розовую и пухлую — совсем как у Арриэтты, только во много раз больше; губа задрожала.

— Но я вам кое-что принес, — сказал он.

Хомили все так же сердито смотрела на него.

— Что? — спросила Арриэтта.

Мальчик взял что-то у себя за спиной и, держа так, чтобы не перевернуть, осторожно стал опускать к ним какой-то деревянный предмет.

— Вот что, — сказал он.

Он тяжело сопел от напряжения и даже высунул кончик языка. Деревянный предмет оказался кукольным буфетиком с двумя ящиками и полками внизу, полными столовой посуды. Мальчик поставил его в ногах кровати, на которой сидела Хомили. Арриэтта подбежала поближе, чтобы лучше рассмотреть.

— Ах! — восторженно вскричала она. — Mamочка, погляди!

Хомили кинула быстрый взгляд — буфет был из темного дуба, посуда — разрисована от руки — и тут же отвела глаза.

— Да, — холодно сказала она. — Очень мило.

Наступило короткое молчание, никто не знал, как его нарушить.

— Дверцы внизу открываются по-настоящему, — сказал наконец мальчик, и к ним опустилась большущая рука, пахнувшая банным мылом. Арриэтта прижалась к стенке, а Под тревожно воскликнул:

— Осторожно!

— Верно, — через секунду сказала Хомили. — Вижу. Открываются. Под облегченно вздохнул — огромная рука исчезла.

— Ну вот, Хомили, — стараясь умиротворить ее, сказал он, — ты всегда хотела иметь что-нибудь в этом роде.

— Да, — сказала Хомили. Она все еще сидела торчком на постели, обхватив колени руками. — Большое спасибо. А теперь, — холодно продолжала она, — будь любезен, опусти крышу.

— Подождите минутку, — умоляюще произнес мальчик. Он снова шарил у себя за спиной, рука снова опустилась к ним в комнату — и вот рядом с буфетиком стояло крошечное креслице, обтянутое красным бархатом.

— Ах! — снова воскликнула Арриэтта, а Под смущенно сказал:

— Как раз мне впору.

— Попробуйте, сядьте, — попросил мальчик.

Под тревожно взглянул на него.

— Ну же, папа, — сказала Арриэтта, и Под сел — прямо в ночной рубашке; его босые ноги чуть-чуть не доставали до земли.

— Очень удобно, — сказал он.

— Оно будет стоять у очага в столовой! — воскликнула Арриэтта. — Оно будет так мило выглядеть на красном ковре...

— Давайте попробуем, — сказал мальчик, и рука снова опустилась.

Под еле успел соскочить с кресла и поддержать закачавшийся буфетик, в то время как кресло взмыло у него над головой и опустилось, по-видимому, в соседней комнате. Арриэтта выбежала из спальни родителей и помчалась по коридору.

— Ах! — раздался ее голос. — Идите посмотрите. Просто прелесть!

Но Под и Хомили не двинулись с места. Мальчик потолком нависал над их головами, им были видны пуговицы на его ночной рубашке, как раз на животе. Видимо, он разглядывал столовую.

— Что вы держите в горчицнице? — спросил он.

— Уголь, — раздался голос Арриэтты. — И я помогала добывать этот новый ковер. Вот часы, о которых я тебе говорила, и картины...

— Я тебе принесу марки получше, — сказал мальчик. — У меня есть юбилейные с видом на Тадж-Махал.

— Погляди! — снова послышался голос Арриэтты, и Под взял Хомили за руку. — Вот мои книги...

Хомили крепче вцепилась в Пода, в то время как огромная рука опустилась рядом с Арриэттой.

— Тихо, — прошептал Под, — сиди спокойно...

Мальчик, видимо, рассматривал книги.

— Как они называются? — спросил он, и Арриэтта одним духом выпалила все названия подряд.

— Под, — шепнула Хомили, — я сейчас закричу...

— Нет, — шепнул Под в ответ. — Не надо. Ты уже кричала.

— Я чувствую, что крик подступает мне к горлу.

Под встревоженно взглянул на нее.

— Задержи дыхание, — сказал он, — и считай до десяти.

— Ты не можешь почитать их мне? — спросил мальчик у Арриэтты.

— Могу, — ответила Арриэтта, — но я бы лучше почитала что-нибудь новое.

— Но ты же не приходишь ко мне, — жалобно протянул мальчик.

— Верно, — сказала Арриэтта. — Теперь буду приходиться.

— Под, — шепнула Хомили, — ты слышал, что она сказала?
— Да-да, — шепнул Под, — не волнуйся...
— Хочешь посмотреть кладовые? — спросила Арриэтта, и Хомили прижала руку ко рту, чтобы заглушить крик.

Под взглянул наверх.

— Эй! — позвал он, стараясь привлечь к себе внимание мальчика. — Положи крышу на место, — попросил Под, стараясь говорить убедительно и деловито, — мы замерзнем.

— Хорошо, — согласился мальчик, но голос его звучал нерешительно: он потянулся за куском пола, служившим им потолком. — Заколотить гвоздями снова? — спросил он и взял молоток.

— Конечно, заколотить, — сердито сказал Под.

— Понимаете, — сказал мальчик, — там, наверху, у меня есть еще вещи...

Под заколебался, а Хомили толкнула его локтем:

— Спроси — какие? — шепнула она.

— Какие? — спросил Под.

— Вещи из старого кукольного дома, который стоит на верхней полке шкафа возле камина в классной комнате.

— Не видел там никакого кукольного дома, — проворчал Под.

— Он стоит под самым потолком, — сказал мальчик, — вам снизу не видно; надо встать на полку, чтобы добраться до него.

— А какие вещи есть в этом домике? — спросила Арриэтта из гостиной.

— О, самые разные, — отозвался мальчик. — Ковры на полу и на стенах, и кровати с матрасами, и птичка в клетке — ненастоящая, конечно, — и кастрюли, и столы, и пять позолоченных стульев, и пальма в кадке, и блюдо с тортом из папье-маше, и еще одно — с бараньей ногой...

Хомили наклонилась к Поду.

— Скажи ему, чтобы он прибил потолок... чуть-чуть, — шепнула она.

Под вытаращил на нее глаза, и она изо всех сил закивала головой и крепче стиснула руки. Под обернулся к мальчику.

— Хорошо, — сказал он, — прибей потолок, но легонько, если ты понимаешь, что я хочу сказать. Пару гвоздиков тут и там...

Глава шестнадцатая

И вот в их жизни наступила новая пора, такое им и во сне не снилось! Каждую ночь крыша взлетала вверх и появлялись новые сокровища; настоящий ковер для столовой, крошечный совок для угля, жесткий диван с подушками, обтянутыми узорчатой тканью, двуспальная кровать с покрывалом, односпальная ей в пару с полосатым матрасом, картины в рамах вместо марок, плита, которую нельзя было топить, но которая так «мило» выглядела в кухне, овальные столы, и четырехугольные столы, и маленький секретер с одним ящиком, два платяных шкафа из кленового

дерева (один с зеркальной дверцей) и комод с изогнутыми ножками... Хомили не только привыкла к тому, что крыша над ее головой поднимается каждую ночь, но дошла до того, что предложила Поду приделывать к ней петли.

— Мне не нравится, что потолок надо приколачивать, от этого в комнатах такая пыль!

Когда мальчик принес им фортепьяно, Хомили стала просить Поду, чтобы он сделал им гостиную.

— Рядом со столовой, — сказала она, — а кладовую отодвинь подальше. Тогда будет куда поставить эти золоченые кресла, о которых он столько говорит, и пальму в кадке...

Однако Под порядком устал от передвигания мебели и с нетерпением ждал спокойных вечеров, когда он сможет дремать у очага в своем новом красном бархатном кресле. Не успевал он поставить комод в одном месте, как Хомили, выйдя из комнаты и вновь войдя, чтобы «получить впечатление», заставляла переставлять его в другое — «на пробу». И каждый вечер, как раз тогда, когда Под привык ложиться спать, потолок взлетал вверх и появлялись новые вещи. Но Хомили была неутомима, глаза ее блестели, щеки горели румянцем, и хотя целый день они только и делали, что толкали и тащили новую мебель то туда, то сюда, она не могла утомиться и подождать до утра.

— Только попробуем, — умоляла она, поднимая один конец тяжелого кукольного серванта, так что Поду не оставалось ничего другого, как поднять другой конец, — на это не уйдет и минуты.

Но Под прекрасно знал, что в действительности пройдет не один час, пока, наконец, измученные и вспотевшие, они не свалятся в постель, да и тогда Хомили будет время от времени вскакивать, чтобы бросить «последний взгляд».

Тем временем в благодарность за все эти сокровища Арриэтта читала мальчику вслух — на лужайке позади вишни. Он лежал в траве на спине, а она стояла у его плеча и говорила, когда пора переворачивать страницу. Какими счастливыми казались ей потом эти дни — голубое небо, ветви вишни над головой, тихий шелест травы под ветром и большое, внимательное ухо мальчика рядом. Она во всех подробностях изучила это ухо, все бугорки, впадинки и извилины. Иногда, осмелев, она прислонялась к плечу мальчика. Пока она читала, он лежал тихо-тихо и всегда горячо благодарил ее потом. Перед ними обоими открывались новые миры... диковинные миры для Арриэтты. Она очень много узнала, но кое-что из этого ей было трудно принять. Она осознала раз и навсегда, что земля, на которой они жили, вертится вокруг своей оси вовсе не ради маленького народца. «Но и не ради большого», — напоминала она мальчику, когда видела, что он улыбается чему-то про себя.

Под вечер Под приходил за ней — очень усталый Под, растрепанный и пыльный — и уводил ее пить чай. А дома ее ждала возбужденная Хомили и новые сюрпризы.

— Закрой глаза! — кричала Хомили. — Теперь можно! — И Арриэтта, словно в счастливом сне, видела, что ее дом меняется с каждым часом. Что только ее не ждало! Однажды ее встретила кружевная занавеска на решетке, подхваченная розовой лентой.

Единственное, что печалило Хомили, — отсутствие гостей; им некого было позвать, никто не наносил им визитов, никто не забегал к ним «на огонек»: ни восторженных «охов» и «ахов», ни завистливых взглядов. Чего бы Хомили не отдала за Клавесинов или Надкаминных! Даже Захомутники — и те были бы лучше, чем никто!

— Напиши дяде Хендрири, — предложила Хомили Арриэтте, — и все Расскажи ему. Хорошее, длинное письмо, ничего не пропусти!

Арриэтта начала писать на куске ненужной теперь промокашки, но чем дальше она писала, тем скучнее становилось письмо: не письмо, а прейскурант магазина или каталог вещей в доме, который сдают внаймы со всей обстановкой. То и дело ей приходилось вскакивать с места, чтобы пересчитать ложки или посмотреть незнакомые слова в словаре, и вскоре она отложила письмо: у нее было так много интересных занятий, так много новых книг, так много тем для бесед с мальчиком!

— Он болен, — рассказывала она матери и отцу. — Его прислали сюда поправляться на свежем воздухе. Но скоро он снова уедет в Индию. Ты знаешь, — спрашивала она пораженную Хомили, — что арктическая ночь тянется полгода? И что расстояние между полюсами меньше, чем расстояние между двумя противоположными точками экватора, соединенными диаметром?

Да, это были счастливые дни, все и дальше шло бы хорошо, как говорил впоследствии Под, если бы они добывали только из кукольного дома. Никто из взрослых, по-видимому, даже не помнил об его существовании, поэтому никто не хватился бы пропажи. Однако гостиняя наверху по-прежнему оставалась для них большим искушением; в нее так редко теперь заходили, там было так много столиков с безделушками, до которых Под раньше не мог добраться, и, конечно, мальчик мог открыть дверцы стеклянной горки.

Сначала он принес им серебряную скрипку, затем серебряную арфу, которая доходила Поду до плеча; и он натянул на нее струны из конского волоса, вытащенного из дивана в кабинете.

— Мы будем устраивать музыкальные вечера! — воскликнула Хомили, когда Арриэтта тронула пальцем струну и в комнате раздался тихий, глухой звук. — Если б только, — с жаром продолжала она, крепко сжимая руки, — отец взялся за гостиную! — Она теперь чуть не каждый вечер накручивала волосы на папильотки и с тех пор, как навела порядок в доме, иногда даже переодевалась к ужину в атласное платье; оно висело на ее плечах как мешок, но Хомили называла его «туника». — Мы могли бы использовать твой раскрашенный потолок, и у нас достаточно деревянных кубиков, чтобы сделать настоящий паркэт. — Она произносила это слово точь-в-точь, как когда-то Клавесины.

Даже тетя Софи, далеко наверху, в своей роскошной неубранной спальне, заразилась духом дерзаний, который волнами радости заливал весь старый дом. Нескольким раз за последнее время Под заставлял ее на ногах. Теперь он приходил к ней не за тем, чтобы брать что-нибудь, а просто чтобы отдохнуть: эта комната стала, если можно так выразиться, его клубом, местом, куда он спасался от «мирских тревог». Больше всего Пода тревожило новоприобретенное богатство; даже в самых необузданных мечтах он и представить себе не мог такого количества вещей. Он чувствовал, что Хомили давно уже следовало бы остановиться; право же, их дом и без

того достаточно великолепен. К чему все эти алмазные табакерки и миниатюры в усыпанных драгоценностями рамках, эти филигранные пудреницы и дрезденские статуэтки — все, как ему хорошо было известно, из горки, которая стояла в гостиной. Они прекрасно могли без них обойтись; что толку от пастушки ростом с Арриэтту или огромных щипцов, которыми снимают нагар с огромных свеч? Сидя возле каминной решетки, где он мог погреть руки, Под смотрел, как тетушка Софи бродит по комнате на костылях. «Не удивлюсь, если она как-нибудь спустится вниз, — уныло размышлял он вслух, слушая знакомую ему историю, как она была приглашена к завтраку на королевскую яхту, — она сразу заметит, что ее вещи пропали».

Однако первой заметила пропажу не тетя Софи, а миссис Драйвер. Миссис Драйвер навсегда запомнила неприятную историю с Розой Пикхэтчет.

Тогда так и не смогли выяснить, кто виноват. Даже Крэмпфирл чувствовал себя под подозрением. «С сегодняшнего дня, — сказала тогда миссис Драйвер, — я буду убирать сама. Никаких новых служанок в этом доме».

Рюмка мадеры, пара старых чулок, носовой платок, изредка перчатки — одно дело, тут, думала миссис Драйвер, она в своем праве. Но драгоценные безделушки из горки в гостиной — это, говорила она себе, глядя на полупустые полки в тот роковой день, дело совсем иного рода!

Она стояла у горки с метелочкой для обметания пыли в руке, и ее маленькие черные глазки превратились в две хитрые злобные щелки. Она чувствовала себя одураченной.

Ей казалось, что кто-то, заподозрив ее в нечестности, пытается ее поймать.

Но кто это мог быть? Крэмпфирл? Мальчишка? Часовой мастер, который заводил в холле куранты?

Вещи исчезали постепенно, одна за другой; их брал кто-то — в этом миссис Драйвер не сомневалась, — кто знал порядки в доме и кто желал ей зла. «А не сама ли старая хозяйка? — подумалось ей вдруг. — Старуха последнее время взяла моду вставать с постели и разгуливать по комнате. Может, она спускается сюда ночью, тычет повсюду своей палкой, вынюхивает и высматривает по всем углам? — Миссис Драйвер вдруг вспомнила пустую бутылку из-под мадеры и два стакана, которые она так часто оставляла на кухонном столе. — Да, — подумала миссис Драйвер, — это на нее похоже...»

А потом будет лежать и посмеиваться у себя в комнате, ждать, когда она, миссис Драйвер, сообщит о пропаже. «Все в порядке внизу, Драйвер?» — таким вопросом она обычно встречает ее по утрам и посматривает искоса своими вредными старыми глазами.

— Да, она не остановится перед этим! — воскликнула миссис Драйвер вслух, держа метелку от пыли, словно дубинку. — Ну и дурацкий у нее будет вид, когда я поймаю ее на месте в то время как она будет красться по нижним комнатам посреди ночи! Ладно же, миледи, — мрачно пробормотала миссис Драйвер, — бродите тут сколько вам будет угодно, суйте нос во все щели, мы еще увидим, чья возьмет!

Глава семнадцатая

тот вечер миссис Драйвер еле отвечала Крэмпфирлу, не пожелала, как всегда, посидеть и выпить с ним и топала взад-перед по кухне, то и дело поглядывая на него уголком глаза. Ему стало не по себе; в молчании миссис Драйвер таилась угроза, таилось что-то, чего не заметить было нельзя. Даже тетя Софи почувствовала это, когда миссис Драйвер принесла ей вино; угроза была в звоне бокала о графин, когда миссис Драйвер ставила поднос на столик, и в грохоте деревянных колец, когда миссис Драйвер задергивала портьеры, и в скрипе половиц, когда миссис Драйвер шла по комнате к двери, и в лязге задвижки, когда она захлопнула дверь. «Что с ней стряслось?» — подумала тетя Софи, наливая себе первый бокал.

Мальчик тоже почувствовал эту угрозу. По тому, как миссис Драйвер пристально глядела на него, в то время как он сидел, скорчившись, в ванне; по тому, как она намылила мочалку и проворчала: «Ну-ка!». Она терла его медленно, тщательно, сердито и за все время мытья не сказала ни слова. Когда он лег, она пересмотрела все его вещи, заглянула за все дверцы в шкафах, выдвинула все ящики в комод. Она вытащила из-под шкафа его чемодан и нашла драгоценного мертвого крота, и запас кускового сахара, и лучший кухонный нож для чистки картофеля. Но даже тогда она ничего не сказала. Поцокав языком, бросила крота в мусорную корзину, сунула себе в карман сахар и нож. Прежде чем прикрутить газ, миссис Драйвер снова внимательно взглянула на него, скорее недоуменно, чем обвиняюще.

Комната миссис Драйвер была над буфетной, туда вела отдельная лестница. В ту ночь миссис Драйвер не раздевалась. Она завела будильник на двенадцать часов и поставила его, чтобы тиканье не мешало ей спать, за дверь; затем сняла туфли и, ворча, забралась под верхнее одеяло. «Не успела она закрыть глаз» (рассказывала она потом Крэмпфирлу), как будильник зазвенел; он кричал во все горло, подпрыгивая на четырех ножках на голом деревянном полу. Миссис Драйвер вылезла из-под одеяла и ощупью подошла к двери.

— Тише, — сказала она будильнику, нащупывая кнопку. — Тише, — и прижала его к груди. Она стояла в одних чулках на верхней площадке лестницы, которая вела в буфетную; ей показалось, что внизу мелькнул огонек. Миссис Драйвер перегнулась через лестничные перила. Да, вот опять — словно трепыхнулось крылышко мотылька! Свеча — вот что это такое! Свеча, которую кто-то несет в руке за лестницей, за буфетной, где-то в кухне.

Не выпуская будильника, миссис Драйвер стала бесшумно красться вниз по лестнице, тяжело дыша от волнения. В темноте раздался тихий вздох, словно эхо какого-то движения. Для миссис Драйвер, стоявшей на холодных плитках пола в буфетной, этот звук, который и звуком-то не назовешь, значил одно: кто-то тихонько открыл и закрыл дверь, обшитую зеленой байкой, ту самую дверь, что ведет из кухни в холл. Миссис Драйвер ощупью вошла в кухню и стала шарить на полке над плитой в поисках спичек. Она опрокинула перечницу и бумажный пакетик с гвоздикой и, взглянув вниз, вдруг заметила ниточку света — за секунду до того, как

зажгла спичку. Мерцающая, как светлячок, нить у самых ее ног очерчивала на полу ровный прямоугольник.

Миссис Драйвер охнула и зажгла газ; кухня тотчас ожила; миссис Драйвер кинула взгляд на обитую зеленой байкой дверь, и ей показалось, что дверь еще чуть качается, словно ее только что закрыли. Миссис Драйвер подбежала к двери и распахнула ее, но в коридоре было темно и тихо — ни тени, ни приглушенных шагов вдалеке. Она отпустила дверь, и та снова закрылась, вздохнув медленно и печально. Да, этот звук она и слышала — этот не то вздох, не то шепот, словно кто-то тихо втянул в себя воздух.

Осторожно подобрав юбку, миссис Драйвер двинулась обратно к плите. На полу, возле выступающей половицы, лежал какой-то розоватый предмет. «Ага, — подумала она, — вот отсюда, от этой половицы и шел свет!» Миссис Драйвер обвела взглядом кухню: все остальное выглядело как обычно, точно таким же, как было, когда она ушла отсюда в последний раз, — посуда в кухонном буфете, кастрюли на столе, полотенца ровным рядом на веревке над плитой. Розоватый предмет оказался коробочкой для ароматических пастилок, сделанной в форме сердца. Миссис Драйвер сразу ее узнала; она всегда лежала в застекленном столике, стоявшем у камина в парадной гостиной. Миссис Драйвер подняла коробочку с пола; она была золотая с эмалью и крошечными бриллиантками, вделанными в крышку.

— Вот это да! — вскричала миссис Драйвер и, быстро наклонившись, неожиданно резким движением выдернула выступающую половицу.

По дому разнесся пронзительный вопль. Миссис Драйвер увидела, что внизу, под полом, кто-то двигается: бегают, карабкается, кричит! Раздавались какие-то звуки: писк, бормотанье, щебет. Эти «кто-то» выглядели как человечки... с руками и ногами... и разинутыми ртами. Да, так они и выглядели... но конечно же, они не могли быть людьми. Они бегали взад, вперед, туда и сюда, они были повсюду.

— Ой! Ой! Ой! — вопила миссис Драйвер и, нащупав позади себя стул, забралась на него. Стул зашатался и, все еще крича, она вскарабкалась со стула на стол...

Там она и стояла, словно на острове посреди бушующего океана, и со слезами в голосе звала на помощь. Ей казалось, что прошла целая вечность, пока не раздался стук в дверь буфетной. Это был Крэмпфирл, разбуженный наконец криками и светом.

— Что там? Что случилось? — звал он. — Впустите меня!

Но миссис Драйвер ни за что не хотела слезать со стола.

— Гнездо! Гнездо! — вопила она. — Живые и пищат!

Крэмпфирл нажал всем телом на дверь и выломал замок. Он ввалился в кухню, шурясь от света, его вельветовые штаны были надеты прямо поверх ночной рубашки.

— Где? — спросил он, вытаращив глаза. — Какое гнездо?

Миссис Драйвер, все еще не придя в себя, указала пальцем на пол. Как всегда, медленно и неторопливо Крэмпфирл подошел и посмотрел вниз. Он увидел дыру в полу, заполненную какими-то мелкими предметами... вроде бы детскими игрушками, обрывками старья... и все.

— Ничего тут нет, — сказал он через минуту. — Это мальчишка, его рук дело. — Крэмпфирл пошевелил в дыре носком ботинка. — Тут нет ничего живого, — сказал он.

— Но я их видела, говорю вам, — задыхаясь, произнесла миссис Драйвер, — вроде как человечки... с руками... или наряженные мыши...

Крэмпфирл уставился в дыру.

— Наряженные мыши! — неуверенно повторил он.

— Несколько сотен, — продолжала миссис Драйвер. — Бегали и пищали. Я видела их своими глазами, говорю вам.

— Ну, теперь там никого нет, — сказал Крэмпфирл и в последний раз раскидал все в дыре ногой.

— Значит, они убежали! — закричала миссис Драйвер. — Под пол... за стены... весь дом кишит ими.

— Что ж, — флегматично отозвался Крэмпфирл, — вполне может быть. Но если вы спросите меня, я думаю — это все проделки мальчишки, прячет тут свои вещи. — Глаза его вдруг заблестели, и он опустил на одно колено. — Может, и хорек у него тоже здесь.

— Послушайте, — сказала миссис Драйвер, и в голосе ее прозвучало отчаяние, — послушайте же меня. Мальчишка тут ни при чем, и хорек тоже. — Она ухватила за спинку стула и неуклюже спустилась на пол, затем подошла к Крэмпфирлу, стоящему у дыры в полу. — У них были руки и лица, говорю я вам. Взгляните, — сказала она, указывая на что-то пальцем. — Видите? Это кровать. И теперь, поразмыслив, я вспоминаю, что один из них в ней лежал.

— Поразмыслив? — повторил Крэмпфирл.

— Да, — продолжала миссис Драйвер, — и я еще кое-что вспоминаю. Помните ту служанку, Розу Пикхэтчет?

— Дурочку?

— Ну, дурочка она была или нет, я теперь не знаю; так вот, она видела одного... одну... на каминной доске в гостиной... с бородой.

— Одного... одну... кого? — спросил Крэмпфирл.

Миссис Драйвер бросила на него испепеляющий взгляд.

— О чем я вам все это время толкую? Одного... одну из этих...

— Наряженных мышей? — сказал Крэмпфирл.

— Не мышей! — Миссис Драйвер чуть не кричала. — У мышей не бывает бород.

— Вы же сами сказали... — начал Крэмпфирл.

— Я знаю, что я так сказала. Хотя у этих бород не было. Но как их назвать? Чем они могут быть, кроме как мышами?

— Не так громко, — шепнул Крэмпфирл. — Мы разбудим весь дом.

— Через зеленую дверь ничего не слышно, — сказала миссис Драйвер. Она подошла к плите и взяла угольные щипцы.

— А если даже и услышат? Мы не делаем ничего плохого. Отодвиньтесь, — продолжала она, — дайте мне подойти к дыре.

Одну за другой она принялась извлекать оттуда вещи, сопровождая это возмущенными возгласами и удивленными ахами. Она сложила их на полу в две кучки: одна — из ценных вещей, другая — из того, что она назвала «хлам». Ну и странные предметы свисали со щипцов!

— Только поглядите, ее лучший кружевной носовой платок... еще один, и еще! И моя самая большая игла... я знала, что она у меня была... и мой серебряный наперсток — как вам это нравится! — и еще один из ее наперстков! Батюшки, а сколько тут клубков шерсти, сколько катушек! Нечего удивляться, что никогда не можешь найти белые нитки, когда надо.

Картошка... орехи... Поглядите-ка, баночка икры... Икры! Ну, это уж слишком, право, слишком! Кукольные стулья... столы... а промокательная бумага... Так вот куда она девается! О господи! — вдруг воскликнула она, вытаращив глаза. — А это что такое? — миссис Драйвер положила щипцы и наклонилась над дырой — нерешительно, боязливо, словно опасалась, что ее ужалит. — Часы... часы с изумрудами... ее часы! И она так их и нехватила! — Голос миссис Драйвер зазвучал громче. — И они идут! Поглядите, можете проверить по кухонным часам. Двадцать пять минут первого.

Миссис Драйвер внезапно села на стул; глаза ее неподвижно смотрели в одну точку, щеки побелели и обвисли, словно из нее выпустили воздух.

— Вы знаете, что это значит? — спросила она Крэмпфирла.

— Нет. А что? — сказал он.

— Кража, — сказала миссис Драйвер, — вот что. Об этом надо сообщить в полицию.

Глава восемнадцатая

Мальчик лежал, плотно укрывшись одеялом, и дрожал. Отвертку он положил под матрас. Он слышал, как зазвонил будильник, услышал вскрик миссис Драйвер на лестнице и убежал. Свеча на столике возле его кровати все еще немного чадила и воск был теплым на ощупь. Мальчик лежал и ждал, но никто не поднялся вверх. Ему казалось, что прошла целая вечность, когда наконец куранты в холле пробили один удар. Час ночи. Внизу не раздавалось ни звука, и, выскользнув из постели, мальчик пробрался по коридору на лестничную площадку. Там он немного посидел, дрожа и вглядываясь в темноту внизу. Было тихо, лишь тикали часы да порой раздавался шорох или вздох, который можно было принять за порыв ветра, но который — мальчик знал это — издавал сам дом: устало вздыхали доски пола, стонали суковатые доски стен. Все было спокойно, и мальчик набрался храбрости: спустившись на цыпочках по лестнице, прошел по коридору до кухни. Немного подождав за зеленой дверью, он осторожно распахнул ее. Кухня была погружена в тишину и полумрак. Так же, как миссис Драйвер, мальчик нашарил на полке над плитой коробок и зажег спичку. Он увидел дыру в полу, лежащие кучей предметы рядом и — одновременно — заметил на полке свечу. Неловко, дрожащими пальцами зажег ее. Да, тут оно все и лежало — содержимое домика в подполье, брошенное как попало, и рядом щипцы. Миссис Драйвер унесла все, что считала ценным, а «хлам» оставила на полу. И, сваленное вот так, оно и выглядело хламом: мотки шерсти, сморщенные картофелины, разрозненные кукольные столы и стулья, спичечные коробки, катушки, скомканные промокашки...

Мальчик опустил на колени. Сам «дом» был разгромлен, переборки между комнатами свалились; там, где Под углублял пол комнат, чтобы было просторнее, была голая земля, валялись спички, старое цевочное

колесо, кожа лукавиц, бутылочные пробки... Мальчик смотрел, моргая глазами; рука со свечой так дрожала, что на пальцы потек горячий воск. Затем он стал на ноги и, пройдя на цыпочках через кухню, закрыл дверь в буфетную. Вернулся обратно и, склонившись над дырой, тихо позвал:

— Арриэтта... Арриэтта!

Подождал немного и позвал снова. Опять что-то горячее капнуло ему на руку: это была его слеза. Он сердито смахнул ее и, опустив голову еще ниже, позвал опять:

— Под! — шепнул он. — Хомили!

Они возникли так бесшумно в пляшущем свете свечи, что сначала он их не увидел. Они стояли молча, подняв к нему белые от испуга лица, там, где раньше был проход к кладовым.

— Где вы были? — спросил мальчик.

Под откашлялся.

— В другом конце коридора. Под курантами.

— Мне надо вас отсюда забрать, — сказал мальчик.

— Куда? — спросил Под.

— Не знаю. Может быть, на чердак?

— Что толку? — сказал Под. — Я слышал, что они говорили. Они собираются сообщить в полицию, и принести кошку, и вызвать санитарную инспекцию и крысолова из Лейтон-Баззард.

Наступило молчание. Маленькие глаза смотрели в большие глаза.

— В доме не будет ни одного безопасного места, — сказал наконец Под.

Никто не шевельнулся.

— А как насчет кукольного домика на верхней полке в классной комнате? — предложил мальчик. — Туда даже кошка не заберется.

Хомили кивнула в знак согласия.

— О да, — еле слышно вздохнув, сказала она, — кукольный домик...

— Нет, — все так же, без выражения произнес Под. — На полке жить нельзя. Может быть, кошка и не заберется наверх, зато и мы не спустимся вниз. Там как в клетке. Нам нужна вода и...

— Я стану носить вам воду, — сказал мальчик, и здесь, — он коснулся кучки «хлама», — есть кровати и другие вещи.

— Нет, — сказал Под, — полка не годится. Да и ты скоро уедешь, так они говорили.

— О Под, — умоляюще зашептала Хомили, — в кукольном домике есть лестница, и две спальни, и столовая, и кухня... И ванная, — добавила она.

— Но этот дом под самым потолком, — растолковывал жене Под. — Тебе же надо есть, не так ли? — спросил он. — И пить?

— Да, Под, я знаю. Но...

— Никаких «но», — сказал Под и тяжело вздохнул. — Нам остается одно, — сказал он. — Переселиться.

— О!.. — прошептала Хомили, и Арриэтта принялась плакать.

— Полно, полно, — устало сказал Под, — не расстраивайся так.

Арриэтта закрыла лицо руками, но слезы скатывались между пальцев; мальчик видел, как они поблескивали при свете свечи.

— А я и не расстраиваюсь, — всхлипнула она. — Я плачу от радости.

— Вы имеете в виду, — сказал мальчик Поду, однако поглядывая одним глазом на Арриэтту, — что переедете в барсучью нору?

Мальчик чувствовал, что его тоже охватывает радостное воднение.

— Куда же еще? — спросил Под.

— О господи! — простонала Хомили и села на поломанный комод из коробков.

— Но вам надо где-то спрятаться на эту ночь, — сказал мальчик. — Надо где-то побыть до утра.

— О господи! — снова простонала Хомили.

— Тут он прав, — сказал Под. — Мы не можем идти по полю ночью. И днем это нелегкое дело.

— Я знаю! — вскричала Арриэтта. Ее мокрое от слез лицо, блестящее при свете свечи, сияло трепетной радостью. Арриэтта поднялась на цыпочки и взметнула вверх руки, словно собиралась взлететь. — Давайте переночуем в кукольном доме этой ночью, а завтра... — она закрыла глаза, словно ослепленная ярким видением, — завтра мальчик положит нас... положит нас... — куда, она не могла сказать.

— Положит нас?! — вскричала Хомили глухим, словно загробным голосом. — Куда?

— В карман, — пропела Арриэтта. — Положишь, да? — Она снова взметнула вверх руки, подняв к нему сияющее лицо.

— Да, — сказал он, — а потом принесу багаж в корзинке для рыбы.

— Ох! — вздохнула Хомили.

— Я выберу из этой кучи всю мебель. Они и не заметят. И все, что вам еще нужно.

— Чаю, — прошптала Хомили, — чтобы на всю жизнь хватило.

— Хорошо, — сказал мальчик. — Я принесу фунт чаю. И кофе тоже, если хотите. И кастрюли. И сковородки. И спички. Все будет в порядке, — сказал он, обращаясь к Хомили.

— Но что они там, в поле, едят? — простонала Хомили. — Гусениц?

— Ну, Хомили, не говори глупостей, — сказал Под. — Люпи всегда была хорошей хозяйкой.

— Но Люпи там нет, — сказала Хомили. — Ягоды. Они едят ягоды? А как они готовят? На костре?

— Право, Хомили, — сказал Под, — мы все это выясним, когда попадем туда.

— Я не сумею разжечь костер, — сказала Хомили, — особенно на ветру. А если пойдет дождь? Как они готовят, если идет дождь?

— Ну же, Хомили, — попытался прервать ее Под, он уже начал терять терпение, но она продолжала.

— Ты не сможешь достать нам коробки две сардин? — спросила она мальчика. — И соли? И свеч? И спичек? И принести ковры из кукольного дома?

— Конечно, могу, — сказал мальчик, — все, что вы захотите.

— Хорошо, — сказала Хомили. У нее все еще был очень встрепанный вид — отчасти из-за того, что половина папильоток раскрутилась и волосы торчали вверх отдельными пучками, но она, видимо, умиротворилась. — Как ты поднимаешь нас наверх? В классную комнату?

Мальчик взглянул на свою ночную рубашку, в которой не было ни одного кармана.

— Я вас отнесу, — сказал он.

— Как? — спросила Хомили. — В руках?

— Да, — ответил мальчик.

— Лучше умереть, — сказала Хомили. — Лучше остаться здесь, чтобы меня съел крысолов из Лейтон-Баззард.

Мальчик обвел взглядом кухню, он попал в тупик.

— Может быть, вы залезете в мешочек для бельевых прищепок? — сказал он наконец, увидев мешочек на его обычном месте на ручке двери в буфетную.

— Хорошо, — сказала Хомили. — Только вынь раньше прищепки.

Он положил мешочек на пол, и Хомили первая храбро вошла в него.

Мешочек был сшит из холста и казался мягким на ощупь.

Когда мальчик поднял его, Хомили завизжала и прижалась к Поду и Арриэтте.

— Ой! — простонала она, когда мешок покачнулся. — Ой, не могу. Остановись! Вынь меня! Ой! Ой! — И, цепляясь друг за друга, они упали вверх тормашками на дно мешка.

— Успокойся, Хомили, — сердито сказал Под и крепко схватил ее за ногу.

Не так-то ему было легко удержать ее от крика, когда сам он лежал на спине, прижав подбородок к груди, а одна нога, застряв в складке мешочка, была поднята над головой. Арриэтта вскарабкалась наверх и выглянула наружу.

— Ой, Под, я не могу, — рыдала Хомили. — Останови его, Под. Я умираю. Скажи, чтобы он опустил нас на пол.

— Опусти нас, — терпеливо, как всегда, сказал Под. — На одну минутку. Вот так, хорошо.

Как только мешочек опустился на пол возле дыры, они все выбежали наружу.

— Послушайте, — чуть не плача, сказал мальчик Хомили, — вы должны попытаться.

— Она и пытается, — сказал Под. — Дай ей только передохнуть и дай все помедленнее, если ты понимаешь, что я хочу сказать.

— Хорошо, — согласился мальчик, — но у нас мало времени. Ну, давайте же, — обеспокоенно продолжал он. — Прыгайте внутрь.

— Тише! — вскричал Под и замер.

Глядя вниз, мальчик видел три поднятых к нему лица — они казались белыми ракушками, неподвижными на фоне темноты. Секунда — и они исчезли: голые доски пола, пустая дыра. Он наклонился к ней.

— Под! — позвал он тревожным шепотом. — Хомили! Вернитесь! — а затем он тоже замер в той позе, в которой был.

За его спиной скрипнула дверь.

Это была миссис Драйвер. Она стояла на пороге между буфетной и кухней, не говоря ни слова. Обернувшись, мальчик уставился на нее.

— Доброе утро, — сказал он дрожащим голосом.

Она не улыбалась, но в глазах ее что-то мелькнуло — злорадство, торжество? В руках миссис Драйвер держала свечу, и лицо ее казалось испосованным светом и тенями.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она.

Он по-прежнему не сводил с нее глаз и молчал.

— Отвечай, — сказала она. — И зачем тебе понадобился мешочек для бельевых прищепок?

Мальчик все еще глядел на нее с глуповатым видом.

— Мешочек для прищепок? — повторил он и взглянул вниз, словно удивляясь, как тот оказался у него в руке. — Ни за чем.

— Это ты спрятал часы в дыре?

— Нет, — ответил он, опять глядя на нее. — Они уже там лежали.

— Ага! — сказала она и улыбнулась. — Значит, ты знал, что они там?

— Нет, — сказал он, — то есть — да.

— Знаешь, кто ты такой? — спросила миссис Драйвер, пристально глядя на него. — Ты подлый, трусливый, дрянной мальчишка.

Его лицо задрожало.

— Почему? — сказал он.

— Сам знаешь, почему. Ты испорченный, злой, ленивый воришка. Вот кто ты такой. И они тоже. Эти мерзкие, юркие, писклявые, хитрые, маленькие...

— Нет, они — нет, — прервал он ее.

— И ты с ними в сговоре! — Она подошла к нему и, схватив за плечо, рывком подняла с пола. — Знаешь, что делают с ворами? — спросила она.

— Нет, — сказал он.

— Сажают за решетку. В тюрьму. Вот что делают с ворами. Вот что будет с тобой.

— Я не вор! — закричал мальчик, губы его прыгали. — Я — добывайка.

— Кто-кто? — Она крепче вцепилась ему в плечо и повернула к себе лицом.

— Добывайка, — повторил он.

Глаза его наполнились слезами. Ах, лишь бы они не потекли по щекам...

— А-а... значит, это так называется?! — воскликнула миссис Драйвер (в точности, как он сам — как давно это было, казалось ему — в тот день, когда он познакомился с Арризттой).

— Так их зовут, — сказал мальчик. — Это такие человечки... добывайки...

— Добывайки? — озадаченно повторила миссис Драйвер, но тут же рассмееялась. — Ну, теперь с этим покончено. В этом доме они добыли все, что могли, пришла пора отдавать! — Она потащила мальчика к двери.

Слезы градом покатались по его лицу.

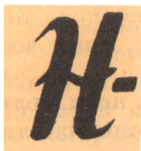
— Не делайте им плохого, — умоляюще произнес он. — Я уберу их отсюда, я обещаю... Я знаю — как...

Миссис Драйвер засмеялась и толкнула его через порог зеленой двери.

— Их и так уберут, можешь не волноваться, — сказала она. — Крысолов знает, как их убрать. И кот Крэмпфирла знает. И санитарный инспектор. И пожарники, если понадобится. Полиция тоже знает, не сомневаюсь. Нечего беспокоиться, как их убрать. Главное — найти их гнездо, — продолжала она, понизив голос до злобного шепота, так как они проходили мимо спальни тети Софи, — остальное легко.

Она втокнула его в классную комнату и заперла снаружи дверь; он слышал, как скрипели половицы в коридоре, когда она возвращалась к себе. Мальчик заполз под одеяло — он очень озяб — и там наконец дал волю слезам.

Глава девятнадцатая

у, слава богу, — сказала миссис Мей, кладя на стол крючок для вязания, — добрались до конца.

Кейт уставилась на нее.

— Не может быть, — еле вымолвила она, — о, пожалуйста... пожалуйста...

— Последний квадрат, — сказала миссис Мей, разглаживая его на коленях, — из ста пятидесяти, которые нам нужны. Теперь можно шпивать...

— О, — переводя дыхание, сказала Кейт, — вы говорите об одеяле! Я думала, вы имеете в виду эту историю.

— Истории тоже пришел конец, — рассеянно сказала миссис Мей, — в известном смысле. — И она принялась разбирать вязанные квадраты.

— Н-но... — запинаясь, произнесла Кейт, — не можете же вы... я хочу сказать... — И у нее вдруг сделался такой вид, который вполне оправдывал то, что о ней говорили: вспыльчивая, своевольная, ну и все остальное. — Это нечестно! — вскричала она. — Это обман! Это...

На глазах у нее появились слезы; она бросила на стол носок, вслед за ним — штопальную иглу, лягнула ногой мешок с шерстяными клубками, лежавший возле нее на ковре.

— Почему, Кейт? — миссис Мей была искренне удивлена.

— Еще что-то должно же было произойти! — сердито закричала Кейт. — А крысолов? А полисмен? А...

— И произошло, — сказала миссис Мей. — Очень многое произошло. Я как раз собиралась все это тебе рассказать.

— Тогда почему вы сказали, что это конец?

— Потому, — проговорила миссис Мей (у нее все еще был удивленный вид), — что брат никогда больше их не видел.

— Тогда о чем же еще рассказывать?

— О том, — сказала Мей, — о чем есть что рассказать.

Кейт с негодованием уставилась на нее.

— Так рассказывайте же!

Миссис Мей в свою очередь посмотрела на девочку.

— Кейт, — сказала она, немного помолчав. — Истории никогда настоящему не кончаются. Они продолжают до бесконечности. Просто в каком-то месте их перестают рассказывать.

— Но не в таком месте! — сказала Кейт.

— Ладно, вдень нитку в иголку, — сказала миссис Мей, — серую, шерстяную. И мы сошьем вместе эти квадраты. Я начну сверху, ты — снизу. Сперва серый квадрат, потом зеленый, потом розовый и так дальше...

— Значит, на самом деле, — сердито сказала Кейт, пытаюсь продеть толстую шерстяную нитку в маленькое игольное ушко, — он все-таки их видел.

— Нет, не видел, я не оговорила. Ему неожиданно пришлось уехать... в конце той же недели... потому что в Индию шел пароход и на нем плыли знакомые, которые обещали взять его с собой. А те три дня, что он еще оставался в доме, миссис Драйвер продержала его взаперти.

— Три дня! — воскликнула Кейт.

— Да. Видимо, миссис Драйвер сказала тете Софи, что он простудился. Она не хотела причинять ему зла, но она твердо решила избавиться от добываек, а брат мог помешать ей.

— А ей это удалось? — спросила Кейт. — Я хочу сказать... они все пришли? Полисмен? И крысолов? И?..

— Санитарный инспектор не приехал. Во всяком случае, пока брат был там. И им не удалось вызвать крысолова из города, но они нашли человека из местных. Полисмен пришел... — миссис Мей рассмеялась. — Эти три дня миссис Драйвер давала брату настоящий радиорепортаж о том, что происходит внизу. Она любила поворчать, а брат, запертый в своей комнате и больше ей не опасный, перестал быть для нее врагом. Она приносила ему в комнату еду и в первое же утро принесла на подносе всю игрушечную мебель и заставила поставить ее обратно в кукольный дом. Вот тогда-то она и сказала ему про полисмена. Он говорил мне, что она была вне себя от злости. Ему даже жалко ее стало.

— Почему? — спросила Кейт.

— Потому что полисмен оказался сыном Нелли Ранэйкр — Эрни, которого миссис Драйвер не раз гоняла в прежние времена из сада, когда он мальчишкой таскал яблоки с яблони, что растет у ворот. «Подлый, трусливый, дрянной воришка, — сказала она про него брату. — Расселся у меня в кухне, как у себя дома, выложил на стол записную книжку и скалит зубы... Говорит, ему стукнул двадцать один год... наглый, как не знаю что, откуда только такие берутся!..»

— А он правда был, — спросила Кейт, глядя на нее во все глаза, — дрянной воришка?

— Конечно, нет. Не больше, чем брат. Эрни Ранэйкр был прекрасный юноша, с прямой осанкой и прямой душой, гордость всей полиции. И он вовсе не «скалил зубы» над миссис Драйвер, когда она рассказывала ему свою историю, просто когда она описывала Хомили, спящую в постели, он кинул на миссис Драйвер «взрослый» (как говорил потом Крэмпфирл) взгляд, казалось, он хотел ей сказать: «Сильнее разбавляйте ее водой».

— Кого — ее? — спросила Кейт.

— Старую добрую мадеру, наверно, — сказала миссис Мей. — И тетя Софи заподозрила то же самое: она страшно разгневалась, когда узнала, что миссис Драйвер видела нескольких человечков, а она сама, после целого графинчика мадеры, видела всего одного, ну, от силы — двух. Она велела Крэмпфирлу принести все ящики с мадерой из подвала к ней в комнату и составить их у стены в углу, где она сможет, сказала она, за ними приглядывать.

— А кошку они достали? — спросила Кейт.

— Да. Но от нее тоже было мало толку. Это был старый кот Крэмпфирла, рыжий с белыми пятнами. По словам миссис Драйвер, у него было только два желания: удрать из дома или забраться в кладовую, где хранили продукты. «Что там говорить о добывайках, — ворчала миссис Драйвер, ставя на стол тарелку с рыбным пирогом, который она принесла брату на второй завтрак, — им до этого кота далеко: «добыл» себе в кладовой рыбу и полгоршка сметаны». Но кот недолго пробыл в доме. Первое, что сделали фокстерьеры, которых привел крысолов, это выгнали его оттуда. Ну и шум они подняли, рассказывал брат. Они гоняли кота по лестницам —

вверх и вниз, и по комнатам — взад и вперед и так лаяли, что чуть не охрипли. Последнее, что видел брат из окна, — рыжее пятно, которое мчалось через рошу и дальнее поле, а за ним — терьеры, вся свора, как один.

— Поймали они его?

— Нет, — рассмеялась миссис Мей, — он все еще жил у Крэмпфирла, когда туда приехала я, через год. Немного угрюмый и необщительный, но целый и невредимый.

— Расскажите, что было, когда приехали вы.

— О, я там недолго пробыла, — торопливо сказала миссис Мей, — а потом дом продали. Брат никогда больше туда не приезжал.

Кейт подозрительно глядела на нее, покалывая нижнюю губу иголкой.

— Значит, они так и не поймали добываек? — спросила она наконец. Миссис Мей отвела глаза.

— Да нет, не поймали, но... — она заколебалась, — то, что они сделали, было для бедного брата и того хуже.

— Что они сделали?

Миссис Мей отложила иглу и несколько минут молча смотрела на руки.

— Я ненавидела этого крысолова, — внезапно сказала она.

— А вы его разве знали?

— Его все там знали. У него было бельмо на глазу. Его звали Рич Уильямс. Он и свиней колот и... ну, и всякие другие вещи делал... у него были ружье, топор, лопата, кирка и приспособление с кузнечными мехами, чтобы выкуривать крыс. Я не знаю точно, чем он их выкуривал... он сам варил это ядовитое снадобье из трав или химикалий, но запах я помню; он долго еще держался у амбаров и вообще всюду, где этот Рич Уильямс бывал. Можешь себе представить, что было с братом, когда на третий день — тот самый день, когда он должен был уезжать, — до него донесся этот запах...

Брат был уже одет и совсем готов в дорогу. Упакованные чемоданы стояли внизу, в холле. Пришла миссис Драйвер, отперла дверь и повела его по коридору в спальню тети Софи. Он стоял бледный, застывший, в пальто и перчатках, возле ее завешенной пологом кровати.

— У тебя что — уже морская болезнь началась? — насмешливо спросила тетя Софи, глядя на него с высоты кровати.

— Нет, — ответил он, — это от запаха.

Тетя Софи принялась.

— Что это за запах, Драйвер? — спросила она.

— Там крысолов, миледи, — ответила миссис Драйвер, покраснев. — Там, в кухне...

— Что?! — воскликнула тетя Софи. — Вы их выкуриваете?!

И она засмеялась.

— О боже, о боже! — всхлипывала она. — Но если они вам не по вкусу, Драйвер, избавиться от них проще простого.

— Как, миледи? — спросила миссис Драйвер, и даже ее двойной подбородок и тот покраснел. Ей было очень неловко.

Обессилив от смеха, тетя Софи помахала унизанной кольцами рукой.

— Покрепче затыкайте бутылку пробкой, — выговорила она наконец и указала им кивком на дверь.

Спускаясь по лестнице, они все еще слышали ее смех.

— Она в них не верит, — пробормотала миссис Драйвер и крепче ухватила брата за плечо. — Ну и глупо! Посмотрим, что она запоет, когда я потом принесу их к ней в комнату на чистой газете, всех рядком, по росту... — И миссис Драйвер без церемонии поволокла брата через холл.

Куранты были сдвинуты с места, и брат сразу же заметил, что дыра в деревянной панели была законопачена. Входные двери, как обычно, стояли настежь, и в холл врвался солнечный свет. У двери, на коврике, стояли его чемоданы, поджариваясь на солнце. С фруктовых деревьев за дорожкой уже облетел цвет, и ветки покрылись крошечными светло-зелеными листочками, прозрачными на солнце.

— Времени хоть отбавляй, — сказала миссис Драйвер, взглянув на часы, — кеб приедет не раньше половины четвертого...

— Часы стоят, — сказал брат.

Миссис Драйвер обернулась. На ней была шляпа и парадное черное пальто, ведь она самолично везла его на станцию. Вид у нее был непривычный, словно она собралась идти в церковь.

— Да, — сказала она; у нее открылся рот и тяжело обвисли щеки. — Верно, из-за того, что мы их сдвинули, — решила она. — Все будет в порядке, когда их поставят на место. В понедельник придет мистер Фриш. — И она снова крепко схватила его повыше локтя и потащила дальше.

— Куда мы идем? — спросил он, упираясь.

— В кухню. У нас еще есть минут десять. Разве ты не хочешь посмотреть, как их поймают?

— Нет, — сказал он, — нет, — и вырвался от нее.

Миссис Драйвер глядела на него, улыбаясь.

— Ну, а я хочу, — сказала она. — Хочу рассмотреть их получше. Он напускает под пол свое снадобье, и они выбегают наружу. Во всяком случае, так делают крысы. Но сперва, говорит он, надо заделать все выходы, — и ее глаза, вслед за глазами брата обратились к дыре под часами (она была замазана словно бы серым тестом, а сверху был криво прилеплен кусок оберточной бумаги).

— Кто ее нашел? — спросил он.

— Рич Уильямс. Это его работа.

— Ее можно расковырять, — сказал мальчик минуту спустя.

Миссис Драйвер рассмеялась, на этот раз добродушно:

— О нет, нельзя! И думать нечего. Накрепко зацементировано, целый цементный блок, да еще поперек железный лист, от старой печки из оранжереи. Рич Уильямс с Крэмпфирлом целый день провозились, до самого чая. Нам здесь больше таких фокусов не надо. Да еще под курантами. Их не так-то просто сдвигать с места. Особенно если хочешь, чтобы они точно ходили. Видишь, где они стояли, — там, где на полу вроде бы канавка?

Вот тут-то брат в первый и последний раз в жизни увидел это подножие из плитняка.

— Ладно, пошли, — сказала миссис Драйвер и снова взяла его за руку. — Мы услышим кеб из кухни.

Но когда они прошли в кухню через зеленую, обшитую байкой дверь, там было форменное столпотворение. Услышать отсюда, как подъезжает кеб, нечего было и думать.

— Спокойно, спокойно, спокойно!.. — повторял громко и монотонно Крэмпфирл, удерживая на поводке тяжело дышащих и залиvisto лающих

терьеров крысолова. Полисмен тоже был там — Эрни, сын Нелли Ранэйкр. Он пришел «просто из интереса» и стоял в стороне от прочих, сдвинув каску на затылок, с чашкой чая в руке. Лицо его было розовым от возбуждения, и он безостановочно мешал чай ложкой.

— Пока не увижу — не поверю, — весело сказал он вошедшей миссис Драйвер.

Там же был мальчик из деревни, с хорьком. Хорек все время пытался вылезти из кармана, рассказывал брат, а мальчик заталкивал его обратно. Сам Рич Уильямс сидел на корточках возле дыры. Он зажег что-то под куском мешковины, и в кухне стояла страшная вонь. Вот он начал накачивать мехи, медленно и осторожно, напряженно склонившись над ними, полностью уйдя в свое занятие.

Брат стоял там как во сне. («Возможно, мне действительно все это приснилось», — сказал он мне позднее... много позднее, когда мы уже были взрослыми людьми.) Он оглядел кухню. Увидел в окно залитые солнцем фруктовые деревья и ветку вишни, стоявшей на склоне; увидел пустые чашки на столе и торчащие из них ложки — одна чашка была без блюдца; увидел прислоненное к стене у самой зеленой двери снаряжение крысолова: связку кроличьих силков, два мешка, лопату, ружье, кирку и его обтрепанное пальто с заплатами из кожи.

— Приготовьтесь! — раздался голос Рича Уильямса; голос дрожал от возбуждения, но головы Рич не повернул. — Приготовьтесь. Сейчас будет пора спускать собак.

Миссис Драйвер выпустила руку брата и подошла поближе к дыре.

— Назад, — сказал, не оборачиваясь, крысолов. — Мне нужно свободное место...

И миссис Драйвер попятилась к столу. Она поставила рядом с ним стул и, сев, приподняла с полу ноги, но вновь их опустила, поймав смеющийся взгляд Эрни Ранэйкра.

— Ничего, мамаша, — сказал он, вздернув бровь, — мы вас подсадим, когда будет надо.

Кинув на него испепеляющий взгляд, миссис Драйвер схватила со стола три чашки и сердито зашаркала к буфетной. «Грязный, лживый, такой-растакой...» — ворчала она, проходя мимо брата. И при этих словах он вдруг ожил...

Он быстро бежал взглядом кухню: все были поглощены ожиданием, все глаза были устремлены на крысолова... все, кроме глаз деревенского мальчишки, — он как раз доставал из кармана хорька. Брат потихоньку снял перчатки и стал пятиться медленно... медленно... к зеленой двери, не сводя глаз с группы вокруг дыры. На мгновение он остановился возле вещей крысолова и протянул настороженную, шарящую руку; наконец его пальцы сомкнулись на гладкой деревянной ручке, отполированной долгим употреблением; он быстро глянул вниз, чтобы не ошибиться — да, как он и надеялся, это была кирка. Он прислонился к двери и чуть заметно надавил на нее спиной. Она послушно приоткрылась, бесшумно, как всегда. Никто не поднял головы.

— Спокойно, — говорил крысолов, низко склоняясь над мехами, — надо немного подождать, пока дым заполнит все подполье... там не очень-то хорошая вентиляция.

Брат проскользнул в приоткрывшуюся дверь, и она снова со вздохом закрылась, заглушив шум. Несколько шагов он прошел на цыпочках, затем пустился бегом.

Вот он снова в залитом солнцем холле, вот и его чемоданы на коврике у дверей. Он налетел на часы, и они пробили — бам-м! — звук был дрожащий и тревожный. Брат поднял кирку над головой и обрушил сбоку удар на дыру внизу панели. Бумага разорвалась, отлетело несколько кусков цемента, и кирка резко отскочила — он еле удержал ее в руках. Да, там, за цементом, действительно было железо. Еще удар. И еще... Вся панель над дырой была в зазубринах, но кирка по-прежнему отскакивала назад. Бесполезно; руки, мокрые от пота, скользили по гладкому дереву ручки. Он остановился, чтобы перевести дыхание, и увидел подъезжающий кеб. Кеб был еще на дороге позади живой изгороди в дальнем конце фруктового сада; скоро он подъедет к яблоне возле ворот, затем покатит по подъездной аллее к парадной двери. Брат взглянул на часы — они ровно тикали, возможно, в результате его толчка. Этот звук почему-то успокоил его, перестало так сильно стучать сердце; время — вот что было ему нужно, еще немного времени. «Надо подождать, пока дым заполнит все подполье, — сказал крысолов, — там не очень-то хорошая вентиляция».

«Вентиляция» — спасительное слово. По-прежнему с киркой в руке брат выбежал из двери; на гравиевой дорожке он споткнулся и чуть не упал, ручка кирки подскочила и больно ударила его по виску. Когда он подбежал к решетке, оттуда тонкой струйкой уже сочился дым, и ему показалось, что он увидел какое-то движение на фоне темноты между прутьями. Конечно, где же еще им быть?! Но он не стал задерживаться, чтобы убедиться в этом. Позади уже слышался хруст гравия под колесами и стук копыт. Брат был, как я уже говорила тебе, не очень большой и не очень сильный мальчик, и ему было всего девять лет (а не десять, как он похвастался Арриэтте), но он сумел освободить один край решетки всего двумя ударами кирки по кирпичу. Решетка повисла наискосок отверстия, казалось, она держится на одном гвозде. Брат поднялся на склон и, размахнувшись, со всей силы кинул кирку в траву за вишней. Он помнит, что когда он бежал к кебу, спотыкаясь, задыхаясь и обливаясь потом, он подумал, что и это — пропажа кирки — приведет в свое время к очередным неприятностям.

Глава двадцатая

о как же! — воскликнула Кейт. — Значит, он не видел, выбрались ли они из подполья?..

— Нет. Сразу появилась миссис Драйвер; она была очень сердита, потому что они опаздывали на поезд. Она велела ему сейчас же садиться, она хочет успеть вернуться, сказала она, и посмотреть, «как они подохнут». Вот такая она была, эта миссис Драйвер.

Несколько секунд Кейт молчала, глядя на пол.

— Значит, это действительно конец, — сказала она.

— Да, — ответила миссис Мей, — в некотором роде. Или начало...

— Но, — Кейт подняла встревоженное лицо, — что, если им не удалось убежать, когда он оторвал решетку? Может быть, их все же поймали?

— О нет, им это удалось, — не задумываясь, сказала миссис Мей.

— Откуда вы знаете?

— Знаю, и все, — сказала миссис Мей.

— Но как они перебрались через поля? Где коровы, и вороны, и всякое другое?

— Прошли их пешком, конечно. Семейство дяди Хендрири раньше них сделало это. Чего не сделаешь, если твердо решился!

— Бедная Хомили! Как она, должно быть, была расстроена.

— Она и была расстроена, — сказала миссис Мей.

— А откуда они знали дорогу?

— Им надо было идти вдоль газопровода, — сказала миссис Мей. — Там есть что-то вроде насыпи через рощу и поля за ней. Понимаешь, когда рабочие выкопали канаву и уложили в нее трубу, она заняла место, и потом вся земля не уместилась обратно, получился небольшой вал.

— Но бедная Хомили... она осталась без чая... и без мебели... и без всех ее вещей. Как вы думаете, они захватили с собой что-нибудь?

— О, люди всегда захватывают что-нибудь, — отрывисто сказала миссис Мей, — иногда самые неожиданные вещи... ты ведь читала о кораблекрушениях. — Она говорила теперь торопливо, словно устала рассказывать. — Осторожнее, девочка, рядом с серым не розовый, а зеленый. Тебе придется все отпороть.

— Но, — продолжала с отчаянием в голосе Кейт, беря ножницы, — Хомили было, наверно, так неприятно явиться к Люпи бедной родственницей, бедной и разорительной.

— Разоренной, — терпеливо поправила ее миссис Мей, — и Люпи там не было, ты забыла? Люпи туда не вернулась. Хомили оказалась в своей стихии. Я так и вижу ее. «Ох уж эти мне мужчины...» — сказала, верно, она и сразу же подвязала передник.

— Разве там были одни мальчишки?

— Да. И Клавесины, и Куранты. И наверно, они ужасно избаловали Арриэтту.

— Но что они ели, как вы думаете? Гусениц?

— О боже, девочка, конечно же, нет. У них была замечательная жизнь. Барсучьи норы — это целые квартиры... там масса жилых помещений, и переходов, и кладовых. Они, верно, собирали лесные орехи... лущили из колосьев зерно и складывали в кладовые, а потом мололи муку, в точности как люди... им даже сеять не нужно было, бери готовым. У них был мед. Они могли делать чай, и цветочный, и липовый. И собирать ягоды шиповника и боярышника, и терн, и чернику, и лесную землянику. Мальчишки могли удить в ручейках, а для них мальки — что для нас скумбрия. У них были птичьи яйца — столько, сколько душа пожелает, — для омлетов, пирогов и заварных кремов. Понимаешь, они скоро узнали, где что надо искать. И конечно, у них была зелень для салатов. Только подумай, какой превосходный салат можно приготовить из нежных побегов молодого боярышника (в детстве мы называли его бутерброд с сыром) со щавелем и одуванчиками, а если еще приправить его тимьяном и диким

чесноком! Не забывай — Хомили всегда хорошо готовила. Недаром же они жили под кухней.

— Но их со всех сторон подстерегала опасность, — не сдавалась Кейт, — все эти ласки, и вороны, и горностаи, и все прочие твари.

— Верно, — согласилась миссис Мей. — Им грозила опасность. Так же, как и всем нам. У них, по крайней мере, не было войн. А ты подумай о первых колонистах в Америке! Или о крестьянах, которые живут посреди саванны в Африке, где вокруг рыщут дикие звери, или о тех, что живут в джунглях Индии! Они понемногу знакомятся с повадками зверей. Даже кролик знает, когда лиса охотится, а когда нет; он может пробежать у нее под носом, если она сытно поела и нежится на солнце. Все дети Хендрири были мальчишки, они должны были научиться охотиться, чтобы добывать пищу, научиться защищать себя. Я не думаю, чтобы Арриэтта или Хомили уходили далеко от дома.

— Арриэтта уходила, — сказала Кейт.

— Да, — согласилась, смеясь, миссис Мей. — Арриэтта, пожалуй, уходила.

— Значит, у них было мясо? — сказала Кейт.

— Да, иногда. Но добывайки — не убивайки. Я думаю, — сказала миссис Мей, — что если горностаи, скажем, убивал куропатку, они могли добыть ее ногу или крыло.

— А если лиса убивала кролика, они добывали его мех?

— Да, на одеяла и шубы.

— А какие на вкус ягоды боярышника, если их очистить от кожуры и испечь? — с блестящими от возбуждения глазами спросила Кейт. — Как печеный картофель?

— Возможно, — ответила миссис Мей.

— Но они не могли готовить в барсучьей норе. Я полагаю, они разводили костер. А как зимой? Что они делали, чтобы не замерзнуть?

— Знаешь, что я думаю? — сказала миссис Мей; она отложила работу и немного наклонилась вперед. — Я думаю, они вовсе и не жили в барсучьей норе. Я думаю, они использовали ее, со всеми переходами и кладовыми, как огромный холл-лабиринт. Никто, кроме них, не знал, как пройти по всем галереям и переходам к их настоящему дому. Добывайки любят длинные коридоры и ворота, и они любят жить далеко от парадных дверей.

— Где же тогда они жили?

— Мне пришлось в голову: а не могли они использовать газопровод? — сказала миссис Мей.

— Да-да! — вскричала Кейт. — Я вижу, что вы имеете в виду.

— Земля там мягкая, песчаная. Я думаю, они прошли через всю барсучью нору и вырыли большой круглый зал на одном уровне с газопроводом, а вокруг зала сделали маленькие комнатки, как каютки. И я думаю, — продолжала миссис Мей, — что они проделали в трубе три маленькие дырочки. Одну совсем малюсенькую, такую, что и не увидишь; и газ, который оттуда шел, всегда горел. А две другие, побольше, с затычками; когда они хотели их зажечь, они вынимали затычки. Большие «горелки» зажигались от маленькой. Вот тебе и освещение, и огонь для готовки.

— Но додумались ли они до этого?

— Додумались. Они умные, — успокоила ее миссис Мей, — слишком умные, чтобы жить рядом с газопроводом и не добыть немного газа. Не забывай, кто они.

— Но им был нужен вентилятор.

— О, — сказала быстро миссис Мей, — у них и был вентилятор.

— Откуда вы знаете? — спросила Кейт.

— Потому что однажды, когда я там была, мне почудился запах тушеного мяса.

— Ах! — взволнованно вскричала Кейт и, забравшись коленями на табурет, перегнулась к миссис Мей. — Значит, вы все-таки там были? Вот откуда вы все это знаете. Вы их тоже видели!

— Нет, нет, — сказала миссис Мей, немного отодвигаясь. — Я их никогда не видела. Ни разу!

— Но вы там были? Вы что-то знаете! Вижу, что знаете.

— Да, я там была, — миссис Мей посмотрела прямо в горящие нетерпением глаза Кейт; казалось, она была в нерешительности, чуть ли не чувствовала себя виноватой. — Хорошо, — согласилась она наконец, — я тебе расскажу, но я ни за что не ручаюсь. Я приехала туда как раз перед тем, как тетю Софи забрали в больницу. Я знала, что дом продадут, поэтому я... — Миссис Мей опять заколебалась, затем продолжала смущенно: — Я вынула всю мебель из кукольного дома, положила в наволочку и отнесла туда. И на свои карманные деньги купила кое-что... чай и кофейные зерна... и соль, и перец, и гвоздику, и большой пакет сахара. И взяла целый ворох шелковых лоскутков, которые остались, когда мы шили лоскутное одеяло. И немного рыбных косточек на иголки. Я положила туда крошечный наперсток, который был в моем куске рождественского пирога, и целый набор щипчиков и тарелочек из цветной фольги, которые были в коробке из-под шоколадных конфет...

— Но вы их ни разу не видели?

— Нет. Ни разу. Я просидела несколько часов на склоне под живой изгородью из боярышника. Мне очень нравился этот склон: отовсюду торчали перекрученные корни, в песке были ямки, там росли лесная фиалка, и первоцвет, и ранняя смолка. С самого верха склона было видно на много миль кругом: и поля, и леса, и долины, и извилистые проселочные дороги, трубы большого дома.

— Может быть, вы сидели не там, где надо.

— Не думаю. Сидя так в траве, глядя на жуков и муравьев, я нашла желудь; он был гладкий и сухой, сбоку у него была пробурвана дырочка, а самая верхушка срезана...

— Чайник! — воскликнула Кейт.

— Думаю, что да. Я все кругом обыскала, но носика из перышка так и не нашла. Тогда я принялась звать их, я кричала во все норки и дыры... как раньше брат. Но мне никто не ответил. А когда я пришла туда на следующий день, наволочка исчезла.

— И все, что в ней, тоже?

— Да. То, что в ней, тоже. Я обшарила все вокруг — вдруг увижу шелковый лоскут или зернышко кофе. Но нет, я не нашла ничего. Конечно, там мог кто-нибудь проходить и унести наволочку со всем содержимым. Вот в тот день, — сказала миссис Мей, улыбаясь, — я и почуяла запах тушеного мяса.

— А на который день, — спросила Кейт, — вы нашли дневник Арриэтты?

Миссис Мей вновь положила шитье.

— Кейт, — начала она удивленно, затем нерешительно улыбнулась. — Почему ты это спрашиваешь? — Щеки ее порозовели.

— Я догадалась, — сказала Кейт. — Я знала, что есть что-то... что-то, чего вы не хотите мне говорить. Например, что вы прочитали чужой дневник.

— Не дневник, — сказала миссис Мей поспешно, но щеки ее покраснели еще пуще прежнего. — Я нашла книжечку под названием «Памятные заметки», ту, с пустыми страницами. Там Арриэтта про все это и написала. И я не тогда ее нашла, а через три недели... накануне того дня, когда я совсем уехала оттуда.

Несколько минут Кейт сидела молча, во все глаза глядя на миссис Мей. Наконец она протяжно вздохнула.

— Но это же все доказывает, — сказала она. — Подземный зал и все остальное.

— Не совсем, — сказала миссис Мей.

— Почему? — спросила Кейт.

— Арриэтта писала букву «е» как маленький месяц с черточкой посредине.

— Ну и что из того? — спросила Кейт.

Миссис Мей рассмеялась и снова взялась за шитье.

— Мой брат тоже так писал эту букву, — сказала она.

Для среднего возраста

Нортон Мэри

ДОБЫВАЙКИ

Ответственный редактор

С. М. Туркова.

Художественный редактор

А. В. Карпов.

Технический редактор

Т. С. Харитонова.

Корректоры

Н. Н. Жукова и Л. А. Бочкарёва.

ИБ 4676

Сдано в набор 22.01.80. Подписано к печати 09.06.80. Формат $70 \times 100^{1/16}$. Бумага офсетная № 1. Шрифт обыкновенный новый, печать офсетная. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 7,8. Уч.-изд. л. 7,62. Тираж 100 000 экз. Заказ № 7. Цена 45 коп. Ленинградское отделение ордена Трудового Красного Знамени издательства «Детская литература». Ленинград, 191187, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавополиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 193036, 2-я Советская, 7.

Нортон Мэри

**Н 82 Добывайки: Сказочная повесть/Пер. с англ.
Г. Островской; Рис. М. Беломлинского.—Л.: Дет. лит.,
1980.—94 с., ил.**

В пер.: 45 коп.

**В форме сказки автор показывает, как важно быть добрым, справедливым,
отзывчивым.**

70803—150

**Н ————— 46 (Р) — 80
М101 (03) — 80**

И (Англ.)

45 коп.

Издательство «Детская литература»